Auf redlichem Wege

.... Novelle ....

von

W. Weressajew

Preis 1 Mark

Цѣна 1 марка

В. ВЕРЕСАЕВЪ

ЧЕСТНЫМЪ ПУТЕМЪ

BERLIN
J. LADYSCHNIKOW
VERLAG

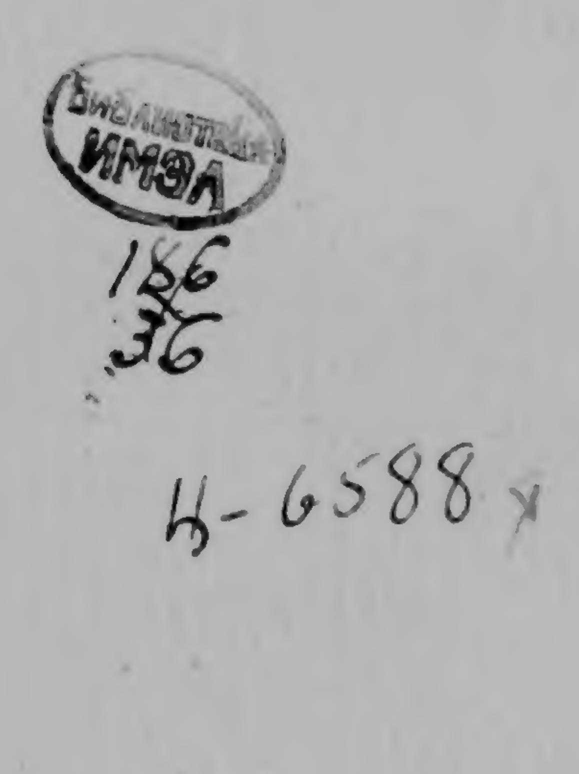

ЧЕСТНЫМЪ ПУТЕМЪ

(Конецъ Александры Михайловны*).

---

*) Повѣсть эта, составляющая самостоятельное цѣлое, служитъ продолженіемъ повѣсти того же автора «Конецъ Андрея Ивановича»

Честнымъ путемъ

(Конецъ Александры Михайловны).

ПОВѢСТЬ

В. Вересаева.

Berlin
Bühnen- u. Buchverlag russ. Autoren
J. Ladyschnikow.

Vom Manuskript gedruckt.

I.

Александра Михайловна кончила фальцовать листы «Петербургскаго Вѣстника»; она сравняла съ боковъ стопку сфальцованныхъ листовъ и устало облокотилась о стопку.

За сосѣднимъ верстакомъ Грунька Полякова, крупная дѣвушка съ пунцовыми губами и низкимъ лбомъ, шила дефектныя книги. Она шила не торопясь, посвистывая сквозь зубы, какъ будто не работала, а только старалась чѣмъ-нибудь убить время: за шитье дефектныхъ книгъ платятъ не сдѣльно, а поденно. Александра Михайловна искоса слѣдила за Поляковой.

— Что это, какая вамъ всегда легкая работа! — не вытерпѣла она.

Полякова медленно повернула голову и небрежно оглядѣла Александру Михайловну.

— Я больная, у меня ревматизмъ въ рукахъ, — отвѣтила она, раскачивая ногою, закинутою на колѣно другой ноги.

— Больная... — Александра Михайловна помолчала. — Вы, можетъ быть, больная, за то вы

есть одна. А у другихъ, можетъ, ребенокъ есть, его надо поить-кормить.

— Какъ кому судьба.

— И вовсе судьба тутъ не причемъ. Дѣло тутъ отъ мастера зависитъ, а не отъ судьбы.

— Отъ мастера? Что-о вы?.. Отъ какого такого мастера?

Полякова нарочно повысила голосъ. Мимо какъ разъ проходилъ мастеръ Василій Матвѣевъ. Онъ услышалъ вопросъ Поляковой и внимательно покосился на нихъ. Александра Михайловна поспѣшно отошла прочь.

На круглыхъ часахъ надъ дверью мастерской пробило четыре. У бокового окна работала за верстакомъ пріятельница Александры Михайловны, Таня Капитанова; солнце свѣтило въ окно, Таня непрерывно наклонялась и выпрямлялась; когда она наклонялась, ея голова съ пушистыми, золотистымы волосами попадала въ полосу свѣта и какъ будто вся вспыхивала сіяніемъ.

— Пора чай пить, — сказала Александра Михайловна.

— Сейчасъ кончу! — торопливо отвѣтила Таня.

Александра Михайловна, устало понурившись, съ удовольствіемъ и завистью смотрѣла на ея работу. Таня была лучшею работницею мастерской. Захвативъ со стопки большой печатный листъ, она сгибала его на папкѣ, съ неуловимою быстротою взглянувъ на номера, и проводила по сгибу костяшкою; листъ какъ будто самъ собою сгибался, какъ только его касались тонкіе пальцы Тани. При второмъ сгибѣ мелькалъ столбецъ цифръ, при третьемъ

— какая-то картинка, сложенный листъ летѣлъ влѣво, а въ это время со стопки уже скользилъ на папку новый.

— Ну, пойдемте! — сказала Таня, сбрасывая съ папки послѣднiй сфальцованный листъ.

— Счастливая ты, Таня! — вздохнула Александра Михайловна.

Въ работѣ наступилъ перерывъ. Дѣвушки сидѣли кучками по четыре-пять человѣкъ и пили чай. Въ раскрытыя окна несло жаромъ iюньскаго дня, запахомъ известки и масляной краски; въ столбахъ солнечныхъ лучей густо золотились пылинки.

Александра Михайловна и Таня пили чай вмѣстѣ съ двумя другими работницами, — вдовою переплетнаго подмастерья Фокиною и блѣдною, пожилою дѣвушкою Дарьей Петровной. Александра Михайловна, сгорбившись, сидѣла на табуреткѣ, испытывая прiятное ощущенiе отдыха. Она ужъ третiй мѣсяцъ работала въ мастерской, но все еще при каждомъ перерывѣ ей хотѣлось отдыхать долго-долго, безъ конца.

— Что за исторiя такая! — задумчиво проговорила она. — Все мнѣ Васька Матвѣевъ трудную работу даетъ. Напоила его кофеемъ, угостила, — думала, легче станетъ. Недѣлю давалъ шитье въ прорѣзку, фальцовку на уголъ, а потомъ опять все пошло по старому.

— А вы какъ-же думали? — усмѣхнулась Фокина. — Вы думали, угостили разъ, и готово дѣло! У него положенiе: поставишь угощенiе, — будетъ тебѣ хорошая работа на недѣлю.

— Вотъ такъ такъ! — протянула Александра Михайловна и скорбно задумалась. — Что-же это такое? Четыре человѣка ихъ, мастеровъ. Вишневка, кофей, пирожки, — рубль шестьдесятъ семь копѣекъ мнѣ обошлось. Четверть фунта кофею выпили, два фунта сахару съѣли; что съѣли, что по карманамъ себѣ напихали... Неужто мало имъ?

— А вы ихъ одна, что-ли, угощаете? — желчно возразила Фокина. — Разъ-то, другой всякая угоститъ; кому-же они трудную работу будутъ давать?

— Такъ вѣдь, Господи, я не о томъ, что трудная! Пускай и трудную работу даютъ, а чтобъ только правильно дѣлали, не обижали людей.

— А я вотъ никого ни разу не угощала! — гордо сказала Таня, — и не стану угощать, безъ нихъ справлюсь.

— А я тебѣ, Танечка, вотъ что скажу, — медленно произнесла Дарья Петровна. — Не гордись! Погордишься, милая, — погордишься, а потомъ пожалѣешь. Разореніе тебѣ какое, что-ли, мастера уважить? А сила у него большая.

— Какъ-же это мнѣ быть теперь? — въ печальномъ недоумѣніи спросила Александра Михайловна. — Девять-десять рублей зарабатываешь въ мѣсяцъ, что же это? Развѣ на такія деньги проживешь съ ребенкомъ?

— Вы вотъ что: попросите себѣ у Василія Матвѣева приклейку, — посовѣтовала Дарья Петровна. — Вы ужъ третій мѣсяцъ работаете, давно пора вамъ приклейку давать. А это работа вы-

годная. Вонъ-онъ Ѳедька идетъ, можетъ, онъ знаетъ, спросите, есть-ли сейчасъ приклейка.

У Дарьи Петровны было смиренное, желто-блѣдное лицо, и она съ какою-то странною, ненужною угодливостью заглядывала въ глаза тому, съ кѣмъ говорила.

Александра Михайловна остановила проходившаго брошюранта.

— Не знаешь, Ѳедя, есть сейчасъ у мастера приклейка? — ласково спросила она.

— Сколько угодно! — отвѣтилъ мальчикъ. — «Русская поэзія», съ портретами. Десять тысячъ экземпляровъ.

Въ дверь заглянулъ изъ коридора переплетный подмастерье Ляховъ. Онъ быстро вошелъ въ комнату и грубо схватилъ Ѳедьку за плечо.

— Тебѣ чего тутъ нужно? — грозно спросилъ онъ.

— Чего... А вамъ чего? — съ недоумѣніемъ пробормоталъ Ѳедька.

Ляховъ поднесъ къ его носу свой крѣпкій кулакъ.

— Я тебѣ, негодяй, всѣ зубы твои повыбью!... Пошелъ прочь, не смѣть съ Александрой Михайловной разговаривать!!

— Эге! — весело усмѣхнулся Ѳедька и, поднявъ брови, съ любопытствомъ метнулъ взглядъ на Александру Михайловну.

— Господи, что-же это такое! — воскликнула Александра Михайловна. — Василій Васильевичъ, вы съ ума сошли, что-ли?

— Я никакому мужчинѣ не позволю говорить съ Александрой Михайловной! Еще разъ увижу тебя, — изувѣчу! — крикнулъ Ляховъ, свирѣпо выкативъ глаза.

— Да что-же это, Господи! Василій Васильевичъ, я къ хозяину пойду! Какъ вы смѣете меня позорить?

— Такъ вотъ, помни! — выразительно произнесъ Ляховъ, еще разъ потрясши кулакомъ передъ носомъ пятившагося Ѳедьки. И, не глядя на Александру Михайловну, онъ вышелъ. Улыбающійся Ѳедька въ юмористическомъ ужасѣ продолжалъ пятиться къ верстакамъ.

Александра Михайловна сидѣла, красная и сконфуженная.

— Ну, что-же это такое, скажите, пожалуйста! — заговорила она дрожащимъ голосомъ. — Вотъ ужъ второй мѣсяцъ не даетъ мнѣ покою. Пристаетъ вездѣ, позоритъ, — просто проходу никакого нѣту!... И чего онъ ко мнѣ привязался!

— Вездѣ только про васъ и говоритъ, такой безстыдникъ! — сочувственно-негодующе произнесла Дарья Петровна. — Влюбленъ, говоритъ, не могу жить безъ нея... Это женатый-то человѣкъ! Такой стыдъ!

— Намедни пришелъ къ намъ, — усмѣхнулась Фокина, — разсказываетъ про свою любовь, плачетъ, — спьяну, конечно. Если, говоритъ, Александра Михайловна меня не удовлетворитъ, я, говоритъ, какъ только листья осыпятся, повѣшусь

въ Петровскомъ паркѣ. — Чего-же, я говорю, ждать? Это и теперь можно. — Нѣтъ, говоритъ, когда листья осыпятся.

— А еще былъ другъ покойнику Андрею Ивановичу! — укоризненно вздохнула Александра Михайловна, и чуть замѣтная самодовольная улыбка пробѣжала по ея губамъ.

Дѣвушки кончали пить чай и принимались за работу. Въ огромной живой машинѣ начинали шевелиться ея части, и вскорѣ она пошла въ ходъ быстрымъ, ровнымъ темпомъ.

Александра Михайловна вошла въ комнату мастера. Василій Матвѣевъ, высокій, грузный мужчина съ мясистымъ лицомъ, наклонясь надъ верстакомъ, накалывалъ листы. Онъ оглядѣлъ Александру Михайловну своими слегка косящими глазами и молча продолжалъ работать.

— Василій Матвѣевъ! Я работу кончила, дай мнѣ приклейку, — сказала Александра Михайловна.

Мастеръ продолжалъ молча накалывать.

— Василій Матвѣевъ!

— Да подожди, ты видишь, занятъ я! — грубо огрызнулся онъ.

Александра Михайловна, стиснувъ зубы, смотрѣла на его красное, потное лицо. Три недѣли назадъ Василій Матвѣевъ ущипнулъ ее въ руку около плеча, и она сурово оттолкнула его. «Ишь, недотрога какая выискалась!» — ядовито замѣтилъ онъ и съ тѣхъ поръ сталъ во всемъ тѣснить ее; только ту недѣлю, когда Александра Михайловна напоила его кофеемъ, онъ былъ съ нею немножко ласковѣе.

Василій Матвѣевъ, не спѣша, продолжалъ работать.

— Скоро, что-ли? — сердито спросила Александра Михайловна. — Мнѣ нѣтъ время ждать.

— Приклейку, — проворчалъ мастеръ. — Тебѣ рано приклейку, напортишь.

— Нѣтъ, не рано. Приклейка черезъ полтора мѣсяца полагается, а я ужъ третій мѣсяцъ работаю.

— Приклейку... Мастеру уваженія не доказываешь, а тоже, приклейку давай... Что нынче съ Грунькой говорила?

— Да что, Василій Матвѣевъ, развѣ неправду я сказала? Однѣмъ все легкую работу даете, другимъ все трудную. А вѣдь жить-то всѣмъ нужно...

— Нѣту сейчасъ приклейки, ступай! — оборвалъ Василій Матвѣевъ.

Лѣвая щека Александры Михайловны задергалась.

— Нѣтъ, есть приклейка, я знаю: «Русская Поэзія»... Я къ хозяину пойду.

Мастеръ молчалъ. Александра Михайловна рѣшительно пошла къ выходу.

— Тамъ, въ углу, — буркнулъ Василій Матвѣевъ.

Она воротилась.

— Это вотъ?... Какую картинку взять?

— Пушкина портретъ. Тысячу возьми, не больше.

— На какую страницу приклеивать?

— Да, отстань ты, пожалуйста, не мѣшай!... Пятьдесятъ шестая страница.

Александра Михайловна вышла. Внутри у нея кипѣло отъ злобы: десять минутъ ушло на переговоры, а онъ отлично знаетъ, какъ дорого время при сдѣльной работѣ; но ей было пріятно, что она всетаки добилась своего. Александра Михайловна распустила пачку портретовъ, смазала ихъ клеемъ и принялась за работу.

Кругомъ стоялъ непрерывный шелестъ отъ сворачиваемыхъ листовъ. Слышно было, какъ подъ поломъ стучалъ въ переплетномъ отдѣленіи газомоторъ.

— Ишь, вѣдьма-то наша уѣзжать собирается! — сказала работавшая рядомъ съ Александрой Михайловной Манька, бойкая дѣвочка лѣтъ шестнадцати.

Гавриловна, — худая старуха въ грязной, отрепанной юбкѣ, — стояла у печки и съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ стучала въ нее своею костяшкою.

— Стучитъ, чтобъ помело подавали! — засмѣялась другая дѣвочка, Дунька.

— Тара-та-тамъ! Тара-та-тамъ! Тара-та-та-тамъ! — хрипло напѣвала полоумная Гавриловна, нелѣпо изогнувъ руки и кружась около печки на одномъ мѣстѣ.

— Ты чего, тетенька, вертишься? — спросила Манька.

— Я, милая, молода была, много польку танцовала, все въ одну сторону, теперь раскручиваюсь... Тара-та-тамъ! Тара-та-тамъ!...

— Что это за безобразіе! — сердито крикнула Фокина. — Работать мѣшаетъ... Иди на мѣсто, слышишь ты!

— И вправду, что это! — поддержала ее Александра Михайловна. — Работать нужно, а она развлекаетъ. Вѣдь нельзя-же, люди дѣломъ заняты!

Гавриловна молча стала къ своему станку, поклонилась въ поясъ лежавшей на немъ стопкѣ листовъ и принялась фальцовать. Минуты двѣ она молча работала, потомъ вдругъ повернулась къ Фокиной и громко крикнула:

— Чортъ тебя зашиби большимъ камнемъ! Бѣлуга астраханская!

Дѣвочки прыснули.

— Провались ты проваломъ, лопни твой животъ! Чтобъ къ тебѣ ночью домовой на постель влѣзъ!

— Хо-хо-хо! — засмѣялись брошюранты.

— Къ ней самой, братцы, онъ каждую ночь лазаетъ! — объявилъ брошюрантъ Егорка.

Гавриловна обрушилась бранью на него. Брошюранты смѣялись и изощрялись въ ругательствахъ, поддразнивая Гавриловну. На каждую ихъ сальность она отвѣчала еще большею сальностью. Это было состязаніе, въ которомъ каждая сторона старалась превзойти другую. Дѣвочки, радуясь перерыву въ работѣ, слушали и смѣялись.

Къ вечеру Александра Михайловна вклеила картины. Она сдѣлала работу въ два часа; за тысячу приклеекъ двадцать копѣекъ, — хорошо!... Довольная, она понесла работу къ мастеру.

Василій Матвѣевъ раскрылъ книжку, посмотрѣлъ.

— Не на то мѣсто приклеила, — равнодушно объявилъ онъ.

Александра Михайловна испуганно взглянула на него.

— Какъ не на то? Ты же мнѣ самъ сказалъ, на пятьдесятъ шестую страницу!

— Куда лицомъ вклеила, видишь? Я тебѣ говорилъ, что ты этого еще не можешь. «Отъ Пушкина до Некрасова,» — на эту сторону нужно было, къ заглавію.

И онъ насмѣшливо смотрѣлъ на нее своими косящими глазами, у которыхъ нельзя было поймать взгляда; и Александрѣ Михайловнѣ казалось, — онъ потому и можетъ быть такъ жестокъ, что его душа загорожена отъ людскихъ глазъ.

— Такъ ты бы мнѣ такъ и сказалъ, — къ пятьдесятъ седьмой страницѣ! — произнесла она обрывающимся голосомъ.

— Ну, ну, что я, глупѣе тебя, что-ли? Говорилъ, нельзя тебѣ еще приклейку давать... Ступай, отклеивай!

Александра Михайловна, убитая, воротилась къ верстаку; хотѣлось схватить, порвать всю работу, ее душили безсильныя слезы: полдня уйдетъ теперь на то, чтобъ аккуратно отклеить картины и снова вклеить ихъ на мѣсто.

Она вяло взяла въ руки ножъ и принялась за отклейку.

II.

Пробило восемь часовъ, мастерскую открыли. Александра Михайловна сунула опостылѣвшую работу подъ верстакъ и побрела домой.

Зина, семилѣтная дочь Александры Михайловны, дремала на кровати.

— Вставай! — угрюмо сказала Александра Михайловна, тронувъ ее за плечо. — Картошку разогрѣла?

— Разогрѣла.

— Принеси.

Зина принесла изъ кухни разогрѣтый жареный картофель, оставшійся отъ обѣда. Придвинувъ столикъ къ кровати, онѣ стали ужинать. Поѣли невкуснаго разогрѣтаго картофеля, потомъ стали пить чай; Зинѣ Александра Михайловна намазывала на хлѣбъ тонкій слой масла, сама ѣла хлѣбъ безъ масла.

— Что это? — сурово спросила Александра Михайловна, взявъ Зину за локоть. — Что это? Господи! Гдѣ это ты порвала?

Она дернула Зину къ себѣ; весь рукавъ ея платьица до самаго плеча былъ разодранъ.

— Да что же это такое! Что ты, съ собаками, что-ли, грызлась?

Зина захныкала.

— Это мнѣ Васька хозяйкинъ сдѣлалъ!

— Васька хозяйкинъ?... Ты тутъ балуешься, а я всю ночь сиди, рукавъ тебѣ зашивай? — задыхаясь, проговорила Александра Михайловна. Она схватила Зину лѣвою рукою за волосы и изо всей силы дернула за нихъ. Зина отчаянно взвизгнула. Александра Михайловна трясла и таскала ее за волосы, а другою рукою ожесточенно била по платью и съ радостью ощущала, что Зинѣ, правда, больно, что ея тѣло вздрагиваетъ и изгибается отъ боли.

— Ой! Ой!... Мама!... Мама!... Ой! — испуганно выкрикивала Зина.

Александра Михайловна еще разъ больно дернула ее за волосы и отпустила. Зина залилась плачемъ.

— Что? Будешь теперь помнить? — спросила Александра Михайловна, тяжело переводя дыханіе.

Въ комнату сходились жильцы. Дѣвушка-папиросница, нанимавшая отъ хозяйки кровать пополамъ съ Александрой Михайловной, присѣла къ столу и хлебала изъ горшечка разогрѣтыя щи; жена грязничника, — худая, съ бѣгающими, горящими глазами, — разстилала на полу войлокъ для ребятъ; старикъ-кочегаръ сидѣлъ на своей койкѣ и маслянисто-черными руками прикладывалъ къ слезящимся глазамъ примочку.

— Ты думала, померъ отецъ, такъ на тебя и управы не будетъ? — злорадно говорила Александра Михайловна. — Мама, дескать, добрая, она пожалѣетъ... Нѣтъ, милая, я тебя тоже сумѣю укротить, ты у меня будешь знать! Ты вотъ бѣгаешь, балуешься, а мама твоя съ утра до вечера работаетъ; придетъ домой, хочется отдохнуть, — а нѣтъ: сиди, платье тебѣ чини. Вотъ порви еще разъ, — ей-Богу, не стану зашивать! Ходи голая, пускай всѣ смотрятъ. Что это, скажутъ, какая безстыдница идетъ!...

Зина ныла и ѣла хлѣбъ съ масломъ.

Поужинали скоро, всѣ укладывались спать. Изъ сосѣднихъ комнатъ сквозь тонкія переборки доносился говоръ, слышалось звяканіе чайной посуды, громкая зѣвота. Папиросница раздѣлась за занавѣскою и легла въ постель къ стѣнкѣ; Зина вытащила изъ-подъ кровати тонкій тюфячокъ, разстелила его у столика и, свернувшись клубкомъ, заснула; улеглись и всѣ остальные. Александра Михайловна угрюмо придвинула лампочку и стала зашивать разодранный рукавъ.

На душѣ у нея было мрачно. Она шила и думала, и отъ всего, о чемъ она думала, на душѣ становилось еще мрачнѣе. Шить ей было трудно: руки одеревенѣли отъ работы, глаза болѣли отъ постояннаго вглядыванія въ номера страницъ при фальцовкѣ; по черному она ничего не видѣла, нитку ей вдѣла Зина. Это въ двадцать-то шесть лѣтъ! Что же будетъ дальше? И голова постоянно кружится, и въ сердцѣ болитъ, по утрамъ — тяжелая, мутная тошнота; и главное, — что-то тоскливое

непрерывно сосетъ тѣло, чего-то не хватаетъ, чего-то нужно, а чего, — она не могла опредѣлить... А тутъ еще Зина, которая только шалитъ и не хочетъ знать, какъ тяжело приходится матери.

Въ ушахъ все слышался шелестъ сворачиваемыхъ листовъ и мѣрный стукъ газомотора подъ поломъ; и мысль обращалась на мастерскую, и Александрѣ Михайловнѣ представлялось, какъ все тамъ быстро движется, торопится, старается, а надъ этой суетой тяжело лежитъ что-то холодно-жадное и равнодушное, и только оно одно имѣетъ пользу отъ этой суеты, а что отъ нея имъ всѣмъ? Стараешься, выбиваешься изъ силъ, а должаешь все больше, живешь, какъ нищая; совѣстно пройти мимо мелочной лавки, питаться приходится одною картошкою. И для чего тогда вся эта работа, всѣ униженія, волненія? А уйти некуда. И дальше впереди будетъ все то же самое. Попала она въ темную яму, и нѣтъ изъ нея выхода; нѣтъ и друзей, которые бы протянули руку.

Встало передъ Александрой Михайловной конфузливое, бѣлесое лицо эстонца-слесаря Лестмана; онъ былъ другъ ея покойнаго мужа Андрея Ивановича и первое время поддерживалъ ее деньгами. Но три недѣли назадъ Лестманъ неожиданно сдѣлалъ ей предложеніе, выйти за него замужъ; Александра Михайловна отказала сразу, рѣшительно, съ неожиданною для нея самой быстротою; какъ будто тѣло ея вдругъ возмутилось и, не дожидаясь ума, поспѣшно отвѣтило: «нѣтъ, нѣтъ». До тѣхъ поръ она словно не замѣчала, что этотъ участливый, тускло-сѣрый человѣкъ — мужчина, но когда онъ загово-

рилъ о любви, онъ вдругъ сталъ ей противно-чуждъ. Лестманъ пересталъ помогать Александрѣ Михайловнѣ, но каждую недѣлю, въ субботу или воскресенье, приходилъ къ ней и, — скромный, застѣнчивый, — сидѣлъ, пилъ чай и скучно разговаривалъ. Глаза его какъ будто закрылись, и онъ пересталъ замѣчать ея нищету. И Александрѣ Михайловнѣ было странно, какъ она это раньше принимала отъ него деньги и не понимала, что ни съ того, ни съ сего никто не станетъ давать ихъ.

Кругомъ дышали, храпѣли и бормотали во снѣ люди, комната медленно наполнялась удушливою, прѣлою вонью. Лампочка съ надтреснутымъ стекломъ тускло свѣтила на наклоненную голову Александры Михайловны. За послѣдніе мѣсяцы, послѣ смерти Андрея Ивановича, она сильно похудѣла и похорошѣла: исчезла расплывшая ее полнота, на дѣтски-чистый лобъ легла дума, лицо стало одухотвореннымъ и серьезнымъ.

Она шила, и мрачная тоска все тяжелѣе налегала на душу; и напрасно она старалась найти что-нибудь, отъ чего бы встрепенулась душа и съ ожиданіемъ взглянула впередъ. На что ни наталкивались мысли, все было черно и безнадежно... Завтра получка. Что ей придется получить? Рублей пять за двѣ недѣли. Видно, нѣтъ другого выхода: придется смириться передъ мастеромъ, пойти на уступки; нужно будетъ почаще угощать его, чтобъ давалъ работу получше... Негодяй подлый! Она со злобою вспомнила, какъ онъ сегодня насмѣшливо смотрѣлъ на нее своими косящими глазами, у которыхъ нельзя было поймать взгляда. Знаетъ свою

силу!... И отъ полученной обиды снова заныло въ душѣ. Александра Михайловна кончила шить и уставилась глазами въ огонекъ лампы; она мечтала, что случайно въ конкѣ или гдѣ-нибудь встрѣтится съ переодѣтымъ градоначальникомъ и разскажетъ ему, какъ обижаютъ въ ихъ мастерской дѣвушекъ. И вдругъ входитъ въ мастерскую приставъ: «гдѣ тутъ звенигородскій мѣщанинъ Василій Матвѣевъ? По распоряженію господина градоначальника, въ двадцать четыре часа вонъ изъ Петербурга!» . И какъ вдругъ у него пропадетъ его сознаніе силы, и какъ онъ начнетъ суетиться и растерянно вздыхать.

Александра Михайловна встала и начала раздѣваться. Еще сильнѣе пахло удушливою вонью, и отъ нея мутилось въ головѣ. Александра Михайловна отвернула одѣяло, осторожно сдвинула къ стѣнѣ вытянувшуюся ногу папиросницы и легла. На душѣ просвѣтлѣло, было ощущеніе, что сейчасъ случилось что-то пріятное. Что это? Ахъ, да... Она разочарованно вспомнила: это были только мечты о переодѣтомъ градоначальникѣ. На душѣ опять стало темно. Она лежала и съ тоскою чувствовала, что долго не заснетъ. Отъ папиросницы пахло селедкою и застарѣлымъ, грязнымъ потомъ; изъ темноты неслось отовсюду густое храпѣніе; по зудящему тѣлу ползали клопы, и въ смутной полудремѣ Александрѣ Михайловнѣ казалось, — что-то тяжелое, липкое наваливается на нее, и давитъ грудь, и дышитъ въ ротъ спертою вонью.

III.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, Александра Михайловна, въ накинутомъ на плечи большомъ платкѣ, вошла въ комнатку мастера и приперла за собою дверь. Василій Матвѣевъ, съ холоднымъ, деревяннымъ лицомъ, молча слѣдилъ за нею.

— Вотъ, Василій Матвѣевъ, у меня сегодня большой праздникъ, хочу тебя угостить! — весело и привѣтливо заговорила Александра Михайловна; она достала изъ-подъ платка полубутылку портвейна и завернутыя въ бумажку пять кондитерскихъ пирожныхъ.

Лицо Василія Матвѣева смягчилось.

— Хорошее дѣло, хорошее дѣло! Не забываешь мастера. Другой разъ и онъ тебѣ можетъ пригодиться.

Онъ всталъ, покосился на припертую дверь и вдругъ быстро наклонилъ къ Александрѣ Михайловнѣ лицо съ забѣгавшими глазами.

— Приходи нынче послѣ работы, вмѣстѣ винцо разопьемъ, — шепнулъ онъ.

И Александра Михайловна почувствовала, какъ его жирная рука взяла ее подъ грудь.

— Ахъ, ты, негодяй! — крикнула Александра Михайловна и изо всей силы ударила его по рукѣ. — Подлецъ ты этакій, какъ ты смѣешь?!

Василій Матвѣевъ отшатнулся.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — невинно и громко спросилъ онъ. — Что тебѣ нужно?

— Я честная женщина, а ты смѣешь меня за передъ брать?! — кричала Александра Михайловна звенящимъ отъ слезъ голосомъ.

Въ косыхъ глазахъ Матвѣева еще бѣгалъ блудливый огонекъ, но лицо уже было сурово и холодно.

— Ты что, что ты тутъ скандалишь? — повысилъ онъ голосъ, наступая на Александру Михайловну. — Что это ты такое принесла мнѣ? Ступай вонъ!

— Негодяй! Подлецъ! — повторила Александра Михайловна и вышла изъ комнаты.

Красная, съ блестящими глазами, она быстро подошла къ верстаку, спрятала въ него бутылку и остановилась, неподвижно глядя на свою работу.

— Что это у васъ тамъ было? Чего это онъ? — съ жаднымъ любопытствомъ спрашивала Манька.

— Не твое дѣло! — рѣзко отвѣтила Александра Михайловна, не поворачивая головы. Она кусала губы, чтобъ сдѣлать себѣ больно и не дать прорваться рыданіямъ.

Кругомъ стоялъ непрерывный шорохъ сворачиваемыхъ листовъ, работа кипѣла, молчаливая и напряженная. Съ разбросанныхъ по верстаку пор-

третовъ смотрѣли курчавые Пушкины, — всѣ въ пледахъ и съ скрещенными руками, всѣ съ желчными, безучастными къ происшедшему лицами.

— У-у, милая моя! — раздалось въ сторонѣ.

Гавриловна приплясывала передъ своимъ верстакомъ и горячо прижимала къ груди только что сшитую большую веленевую книгу; потомъ она положила ее на четыре другихъ, уже сшитыхъ книги, отодвинула пачку и низко, въ поясъ, поклонилась ей, и что-то бормотала.

Въ мастерскую, въ сопровожденіи Василія Матвѣева, вошелъ хозяинъ, Викторъ Николаевичъ Семидаловъ. Дѣвушки оставили работу и съ любопытствомъ слѣдили за нимъ: было большою рѣдкостью, когда хозяинъ заглядывалъ въ брошюровочную.

Оба прошли прямо къ верстаку Александры Михайловны.

— Невозможно, Викторъ Николаевичъ, углядѣть! — говорилъ Василій Матвѣевъ, разводя руками. — Такой народъ, просто наказаніе! Вотъ, извольте сами посмотрѣть!

Онъ полѣзъ подъ верстакъ и вытащилъ вино.

— Изволите видѣть? — И онъ поставилъ бутылку на верстакъ.

Хозяинъ, мрачный, какъ туча, смотрѣлъ на Александру Михайловну.

— Скажите, пожалуйста, вы не знали, что спиртные напитки запрещается вносить сюда? — спросилъ онъ. — Я принялъ васъ въ память вашего мужа, помогалъ вамъ, но это вовсе не значитъ, что

вы у меня въ мастерской можете дѣлать, что вамъ угодно.

Александра Михайловна, — блѣдная, съ сжатыми губами, — молчала, опустивъ глаза.

— Я и не зналъ, что вы выпиваете! — съ усмѣшкою прибавилъ хозяинъ. — Да еще какіе напитки дорогіе, — портвейнъ. А я думалъ, вы нуждаетесь... Слушайте: въ первый и послѣдній разъ я васъ прощаю, но смотрите, если это еще разъ повторится!

Онъ окинулъ ее пренебрежительнымъ взглядомъ и вышелъ. Прислонившись къ сосѣднему верстаку, стоялъ вихрастый, курносый мастеръ надъ дѣвушками переплетнаго отдѣленія, Сугробовъ.

— Ты недавно тутъ работаешь? — спросилъ онъ, когда хозяинъ и Матвѣевъ вышли.

— Третій мѣсяцъ, — машинально отвѣтила Александра Михайловна.

— Ну, не выдержать тебѣ, — съ состраданіемъ произнесъ онъ. — Бѣги лучше прочь, погубишь себя!

И онъ пошелъ къ себѣ внизъ. Александра Михайловна продолжала неподвижно стоять передъ верстакомъ. Къ ней подошли Дарья Петровна и Фокина.

— Чего это онъ на васъ? — спросила Дарья Петровна. — Вѣдь вы вино-то ему купили? Что такое случилось?

— Такъ... Все равно... — неохотно отвѣтила Александра Михайловна.

— Мало, что-ли, показалось ему? — допытывалась Дарья Петровна.

Фокина испытующе взглянула на Александру Михайловну и догадалась.

— Отъ такой красивенькой дамочки ему не портвейна нужно! — усмѣхнулась она.

Дарья Петровна высоко подняла брови и украдкою бросила на Александру Михайловну быстрый взглядъ.

— Вотъ мерзавецъ! — сочувственно вздохнула она.

У Александры Михайловны запрыгали губы.

— Уйду я отсюда! — сказала она.

Дарья Петровна помолчала.

— Куда уйти-то? Вы думаете, лучше у другихъ? А я вамъ скажу, — можетъ, еще хуже. Тутъ хоть хозяинъ добрый, не гонится за этимъ, а вонъ у Коникова, — тамъ прямо иди къ нему дѣвушка въ кабинетъ.

— Какого Коникова? Конюховъ фамилія его, — поправила Фокина. — На пятнадцатой линіи.

— Ай Конюховъ? Ну, Конюховъ, что-ли.

Дарья Петровна опять помолчала, взглянула на Александру Михайловну и еще разъ сочувственно вздохнула.

Александра Михайловна съ страннымъ чувствомъ слушала ихъ. То, что случилось, было неслыханно-возмутительно; всѣ глаза должны были загорѣться, всѣ души вспыхнуть негодованіемъ; меж-

ду тѣмъ сочувствіе было какое-то вялое, почти дѣланное, и отъ него было противно.

Она возвращалась домой съ чувствомъ глубокаго одиночества. Была суббота. Фальцовщицы и подмастерья, съ получкою въ карманѣ, весело и торопливо расходились отъ воротъ въ разныя стороны; дѣвушекъ поджидали у входа кавалеры, — писаря, литографы, наборщики. У всѣхъ были чуждыя лица, всѣ были заняты только собою, и Александрѣ Михайловнѣ казалось, — лица эти такъ же мало способны освѣтиться сочувствіемъ къ чужой бѣдѣ, какъ безучастныя лица бумажныхъ Пушкиныхъ.

Громко и весело разговаривая, Александру Михайловну обогнала кучка дѣвочекъ-подростковъ; впереди, съ лихимъ лицомъ, шла Манька; подъ накинутымъ на плечи платкомъ гибко колебался ея тонкій, полудѣтскій станъ. У панели, рядомъ съ ломовыми дрогами, на кучѣ старыхъ рельсовъ, спалъ ломовикъ.

— Дядя, зачѣмъ спишь?! — громко крикнула Манька. Дѣвочки расхохотались.

Ломовикъ поднялъ взлохмаченную голову, молча поглядѣлъ дѣвушкѣ вслѣдъ и снова опустилъ голову на рельсы.

— Вотъ бы ему бабу здоровую подложить подъ бокъ, было бы ему тепло! — говорила Манька, быстро идя дальше. — Аа-чхи!!... — вдругъ громко сдѣлала она, какъ будто чихая, прямо въ лицо двумъ стоявшимъ у панели парнямъ.

Парни пустили ей вслѣдъ сальную остроту. Дѣвочки со смѣхомъ свернули за уголъ.

— Какая все помойная яма! — съ тупымъ отвращеніемъ думала Александра Михайловна; и она вспоминала, какъ хорошо и чисто жилось ей, когда былъ живъ Андрей Ивановичъ.

Спускались бѣлыя сумерки. У ренсковаго погреба, кого-то ожидая, стояла Таня, оживленная и веселая съ своими золотящимися, пушистыми волосами. Изъ погреба вышелъ красивый, статный гвардейскій матросъ.

— Вотъ что: кплекъ не надо, будетъ селедка, — заговорила Таня, беря его за руку. — Лучше винограду купимъ.

Морякъ поклонился Александрѣ Михайловнѣ. Это былъ женихъ Тани, Журавлевъ. Они пошли подъ руку черезъ улицу, къ колоніальному магазину. Александра Михайловна смотрѣла имъ вслѣдъ, смотрѣла, какъ они тѣсно прижимались другъ къ другу, и еще сильнѣе чувствовала свое одиночество.

IV.

Назавтра, въ воскресенье, Александра Михайловна лежала подъ-вечеръ на кровати. Ей теперь вообще хотѣлось много лежать, а вчера она къ тому же заснула, когда ужъ разсвѣло: въ сосѣдней комнатѣ пьяные водопроводчики подрались съ сапожникомъ, били его долго и жестоко; залитаго кровью, съ мотающеюся, безчувственною головою, сапожника свезли въ больницу, а водопроводчиковъ отвели въ участокъ; потомъ воротился домой тряпичникъ, тоже пьяный, и сталъ бить свою жену; она ругалась и какъ будто нарочно задирала его, а онъ билъ ее еще жесточе.

Въ комнатѣ никого не было; взрослые разошлись, дѣти играли на дворѣ.

— Здѣсь Колосова живетъ, Александра Михайловна? — спросилъ въ коридорѣ громкій голосъ. — Эй, есть кто тутъ?

Александра Михайловна поспѣшно поднялась съ постели, застегивая на груди кофточку. Въ комнату вошелъ Ляховъ, съ тросточкою въ рукѣ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ. — Вотъ такъ квартира, — нигдѣ никого нѣтъ!

— Здравствуйте! — холодно отвѣтила Александра Михайловна.

— Моя жена не у васъ?

— Нѣтъ тутъ вашей жены.

— Нѣту... Гмъ!...

Ляховъ сѣлъ на качавшійся стулъ и, играя тросточкою, внимательно оглядывалъ обстановку.

— Вашъ покойный мужъ былъ глупъ! — неожиданно заявилъ онъ.

Александра Михайловна заволновалась.

— Василій Васильевичъ, если вы по хорошему пришли, то такъ, а нѣтъ, то лучше ступайте отсюда!

— Онъ былъ глупъ, — повторилъ Ляховъ. — Онъ васъ не умѣлъ цѣнить. Если бы онъ былъ немножко поумнѣе, онъ бы васъ холилъ, на рукахъ носилъ бы; онъ бы понималъ, какая у него хорошая жена. А онъ васъ только обижалъ.

Ляховъ странными, что-то таящими въ себѣ глазами, оглядывалъ Александру Михайловну, и она, волнуясь, сама того не замѣчая, оправляла юбку, и нащупывала пальцами, всѣ-ли пуговцы застегнуты у нея на груди.

— Бросьте мастерскую, приходите ко мнѣ жить, — продолжалъ Ляховъ, придвигаясь со стуломъ къ кровати. — Я вамъ буду платить каждый мѣсяцъ тридцать два рубля. Катьку прогоню,

дамъ ей отдѣльный паспортъ. Я безъ васъ не могу жить.

Александра Михайловна, все больше волнуясь, встала и подошла къ окну.

— Я не понимаю, Василій Васильевичъ, какъ вамъ не стыдно это говорить! Вѣдь вы были другъ Андрею Ивановичу, онъ васъ любилъ...

Онъ былъ подлецъ, завистникъ! — возразилъ Ляховъ. — Онъ меня нарочно передъ смертью женилъ на Катькѣ, по злобѣ, чтобъ вы мнѣ не достались.

— Неужели! Скажите, пожалуйста! — засмѣялась Александра Михайловна. — Мы ее, кажется, совсѣмъ напротивъ, — отговаривали идти за васъ.

— Я для того только и въ больницу ходилъ къ Колосову, чтобъ посмотрѣть, скоро-ли онъ сдохнетъ, — вызывающе произнесъ Ляховъ.

— Василій Васильевичъ, уходите отсюда вонъ! Я васъ не желаю слушать.

— Зачѣмъ вы къ окну ушли? — спросилъ Ляховъ, тяжело дыша, съ тѣмъ-же страннымъ, готовящимся къ чему-то лицомъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ ней; отъ него пахло коньякомъ. Александра Михайловна старалась подавить вдругъ охватившую ее дрожь. Ляховъ, блѣдный и насторожившійся, съ бѣгающими глазами, стоялъ, загораживая ей дорогу отъ окна.

— Василій Васильевичъ, что же это будетъ? — задыхаясь, поспѣшно заговорила Александра Михайловна. — Раньше въ мастерской и на улицѣ

не давали мнѣ проходу, а теперь ужъ ко мнѣ на квартиру приходите? Сами подумайте, развѣ-же такъ можно!

— Я вамъ сказалъ, что я васъ люблю. А что я разъ сказалъ, отъ того ужъ никогда не отступлюсь. Все равно, вы мнѣ достанетесь, покою вамъ не будетъ... Я своего добьюсь...

Ляховъ теперь тоже задыхался. Крѣпкій, съ мускулистымъ затылкомъ, онъ смотрѣлъ въ лицо Александрѣ Михайловнѣ замутившимися, тупо-безпощадными, какъ у звѣря, глазами; и Александра Михайловна поняла, — отъ этой животной, жестокой силы ей не защититься ни убѣжденіями, ни мольбами.

Въ дверяхъ показался высокій, широколицый Лестманъ; онъ снялъ съ головы котелокъ и застѣнчиво приглаживалъ ладонью свои бѣлесые волосы.

— Иванъ Карлычъ, здравствуйте! — громко сказала Александра Михайловна и съ неестественнымъ оживленіемъ пошла ему навстрѣчу мимо Ляхова.

Ляховъ обернулся. Глаза его насмѣшливо вспыхнули.

— А, явленныя мощи! — протянулъ онъ. — Что такъ долго не являлись? Тебя ужъ тутъ заждались. Съ утра ждутъ, — что это милый не приходитъ?... Мѣстечко-то, значитъ, занято! Та-а-къ!...

Онъ засмѣялся, надѣлъ шляпу и, не прощаясь, вышелъ.

— Садитесь, Иванъ Карлычъ! Сейчасъ будемъ чай пить! — радушно говорила Александра Михайловна, все еще не могшая справиться съ бившею ее дрожью.

Лестманъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ за нею.

— Такой нахалъ этотъ Ляховъ, просто я не понимаю! — сказала она. — Съ самаго того времени, какъ Андрей Ивановичъ померъ, не даетъ мнѣ нигдѣ проходу. Въ мастерской пристаетъ, на улицѣ, на квартирѣ вотъ... И придумать не могу, какъ мнѣ отъ него отдѣлаться!

— Онъ сегда былъ нахалъ. Это не было хорошо, что вашъ мужъ уже давно его не прогонялъ, — произнесъ Лестманъ, покачавъ головою.

Александра Михайловна сходила за кипяткомъ и заварила чай. Лестманъ молча сталъ пить, отъ его приглаженныхъ, словно полинявшихъ волосъ, отъ плоскаго лица съ рѣдкою бородкою несло какою-то безнадежно-трезвою скукою; какъ будто и кругомъ все отъ его присутствія стало скучно-сѣрымъ.

— Что это у васъ, Иванъ Карлычъ, рука завязана? — спросила Александра Михайловна.

— Это я себѣ руку зарѣзалъ на работѣ... Фельдшеръ посыпалъ какимъ то пульверомъ, и еще больше заболѣла. Только я понялъ, что фельдшеръ неправильно сдѣлаетъ. Нѣтъ, я думаю, надо не такъ. Взялъ спермацетной мази, снапса и вазелина, сдѣлалъ мазь, положилъ на тряпку, и все сдѣлалось здоровое. Теперь уже можно работать, а раньше эту цѣлую недѣлю я не работалъ.

— А у васъ какъ, платятъ, когда заболѣешь?

— Если докторъ записку даетъ, тогда платятъ семьдесятъ пять копѣекъ за каждый день. У насъ докторъ очень добрый, всѣмъ даетъ, только я не хотѣлъ брать. Мастеръ всегда сердится за это. Лучше же я не буду брать, тогда онъ мнѣ будетъ давать хорошую работу.

— Видно, вездѣ мастера обижаютъ рабочаго человѣка! — вздохнула Александра Михайловна.

— А вамъ и теперь всегда даютъ плохую работу? — осторожно спросилъ Лестманъ.

— Плохую. Такъ тѣснитъ мастеръ, просто я не знаю. Ужъ думаю, не перейти-ли въ другую мастерскую.

Лестманъ медленно мигнулъ, и въ его бѣлесыхъ глазахъ проползло что-то. У Александры Михайловны непріятно дрогнуло сердце, она прикусила губу и замолчала; ей стало ясно: да, онъ ждетъ, чтобъ она совсѣмъ запуталась, и чтобъ тогда пошла къ нему. И ей вдругъ представилось: гдѣ-нибудь въ темной глубинѣ моря сидитъ большая, лупоглазая рыба, и разѣваетъ свой широкій ротъ, и ждетъ, когда подплыветъ мелкая рыбешка, чтобъ слопать ее...

— Вы сколько же теперь саработаете? — продолжалъ осторожно выпытывать Лестманъ.

— Да зарабатываю, собственно, ничего, — стала врать Александра Михайловна. — Двадцать рублей, а когда постараешься, — двадцать пять. Жить можно, ничего, а только все таки обидно, — зачѣмъ они неправильно поступаютъ!

Она низко наклонилась надъ чашкою, чтобъ Лестманъ не видѣлъ ея лица, а сама думала:

всѣмъ, всѣмъ имъ нужно одного, — женскаго мяса; душу чужую по дорогѣ съѣдятъ, только бы добраться до него... Она рѣзко и неохотно стала отвѣчать на вопросы Лестмана, но онъ этого не замѣчалъ. Помолчитъ, выпьетъ стаканъ чаю и разскажетъ, какъ онъ въ Тапсѣ собиралъ муравьиныя яйца для соловьевъ.

— Нужно взять двѣ ольховыхъ палочки, сдирать съ нихъ козицу и воскресенье утромъ положить крестомъ на муравьиную кучу. Всѣ муравьи уйдутъ. Можно эти яйца продавать, фунтъ стоитъ восемьдесятъ пять копѣекъ.

И опять молчитъ... Наконецъ онъ всталъ уходить. Александра Михайловна проводила его до выхода, воротилась и сѣла къ окну. Смутныя мысли тупо шевелились въ ея мозгу, она не старалась ихъ поймать и съ угрюмою, бездумною сосредоточенностью смотрѣла въ окно. Темнѣло. Въ комнату сходились жильцы, за перегородкою пьяные водопроводчики играли на гармоникѣ. Александра Михайловна надѣла на голову платочекъ и вышла на улицу.

Въ сумеркахъ по панелямъ проспекта двигалась праздничная толпа, конки, звеня и лязгая, черными громадами катились къ мосту. Проходили мужчины, — въ картузахъ, фуражкахъ, шляпахъ; у нихъ были животныя, скрыто-похотливыя и безпощадныя въ своей похотливости лица; толпа двигалась, одни лица смѣнялись другими, и за всѣми ими таилась та-же прячущаяся до случая, незнающая пощады мысль о женскомъ мясѣ.

Александра Михайловна свернула въ боковую улицу. Здѣсь было тише. Еще сильнѣе, чѣмъ всег-

да, она ощущала въ тѣлѣ что-то тоскливо-сосущее, чего-то хотѣлось, что-то было нужно, а что, — Александра Михайловна не могла опредѣлить; и она думала, отчего это постоянное чувство, — отъ голода-ли, отъ не дававшихъ покою думъ или отъ того, что жить такъ скучно и скверно. На углу тускло свѣтилъ фонарь надъ вывѣскою трактира.

— Зайти развѣ, выпить? — стыдясь самой себя, подумала Александра Михайловна.

Она постояла, внимательно оглядѣлась по сторонамъ и тихонько скользнула въ дверь.

Народу въ трактирчикѣ было немного. За среднимъ столомъ, подъ лампой-молніей, три парня-штукатура пили чай и водку, у окна сидѣла за пивомъ пожилая, крупная женщина съ черными бровями. Александра Михайловна пробралась въ уголъ и спросила водки.

Молодой штукатуръ, съ пухлымъ лицомъ и большимъ, какъ у рыбы, ртомъ, обнималъ своего сосѣда и цѣловался съ нимъ.

— Пущай-же объ насъ люди говорятъ, что мы худо поступаемъ! — говорилъ онъ. — Одинъ истинный Богъ надъ нами! Алешка, вѣрно я сказалъ?.. Ярославецъ, еще бутылочку!...

— Ваня! Будетъ, не надо!

— Ну, «будетъ»!

— Не надо!

— Эй, еще бутылочку!

— Ваня, не разсчитывай!

Черноброваая женщина, держа кружку за ручку, съ враждебнымъ вниманіемъ слушала ихъ.

Половой поставилъ передъ Александрой Михайловной графинчикъ, она налила рюмку и выпила. Водка захватила ей горло, обожгла желудокъ и пріятнымъ тепломъ разлилась по жиламъ; какъ будто сразу во всемъ тѣлѣ что-то подправилось, понурая спина выпрямилась, и обычное ощущеніе, что чего-то не хватаетъ, стало исчезать.

— Нѣтъ, не буду больше пить! — рѣшительно произнесъ Алешка. Онъ взялъ съ сосѣдняго стола «Петербургскій Вѣстникъ», хотѣлъ было начать читать и положилъ назадъ на столъ. — Не стоитъ браться! — сказалъ онъ.

— Почему не стоитъ браться за литературу? — громко спросила чернобровая женщина, все такъ же враждебно глядя на него. — Литература издается для просвѣщенія! Въ ней пишутъ сотрудники, умные люди! Какъ же это за нее не стоитъ браться?

Штукатуры оглянулись на нее и продолжали разговаривать.

— Вотъ какой народъ здѣсь въ петербургской губерніи, — обратилась чернобровая женщина къ Александрѣ Михайловнѣ. — Самый дикій народъ, самый грубый! Поѣзжайте вы въ архангельскую губернію или ярославскую. Вотъ тамъ, такъ развитой народъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. А въ смоленской губерніи!... Оттуда такое письмо тебѣ пришлютъ, что любо читать. А здѣсь, конечно, обломы всѣ, только что въ человѣческой кожѣ. Какъ они говорятъ: «Эва! пущай!»

Черезъ часъ Александра Михайловна вмѣстѣ съ чернобровой женщиной выходила изъ трактира.

Александра Михайловна рыдала и била себя кулакомъ въ грудь.

— Я честная женщина, я не могу! — говорила она. — Уйду, уйду, отъ всѣхъ уйду!... Жить хочешь, такъ потеряй себя... Все терпѣть, терпѣть!... Куда-же уйти-то мнѣ, Господи?!

И волосы ея выбивались изъ-подъ платка, и она качала растрепанною головою, а чернобровая женщина своимъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ говорила:

— Это іезуитское правило, — всякій способъ оправдываетъ свое средство!... Іезуитское нормальное состояніе...

V.

Въ понедѣльникъ утромъ разсыльный положилъ передъ Александрой Михайловной двѣ толстыя пачки веленевыхъ листовъ.

— Подожди, что это такое? Почему мнѣ два листа? — спросила Александра Михайловна. — Всѣмъ по одному дано.

— Мнѣ какое дѣло, велѣно! — отвѣтилъ разсыльный и пошелъ дальше.

— Я не возьму, неси назадъ къ мастеру, мнѣ не надо!

За веленевые листы платятъ почти столько же, сколько за обыкновенные; между тѣмъ фальцовать веленевую бумагу много труднѣе: номеровъ страницъ невидно даже на свѣтъ, приходится отгибать углы, чтобы номеръ пришелся на номеръ; бумага ломается, при сгибаніи образуются складки.

Александра Михайловна пошла въ контору къ хозяину. Тамъ былъ и Василій Матвѣевъ.

— Викторъ Николаевичъ, позвольте узнать, почему мнѣ дали два листа «Европейской Флоры»?

Всѣмъ по одному дано фальцовать, Поляковой ничего, а мнѣ два.

Семидаловъ вопросительно взглянулъ на Василія Матвѣева. Онъ развелъ руками и суетливо наклонился къ хозяину.

— Такъ пришлось, Викторъ Николаевичъ, ничего не подѣлаешь! Нужно же кому-нибудь дать, поровну на всѣхъ не подѣлишь.

— Вотъ Поляковой бы ты и далъ, — сказала Александра Михайловна.

— У Поляковой другая работа есть, — возразилъ Матвѣевъ, покосившись на нее.

— Да-а, другая работа! Шитье въ прорѣзку!

— Это все равно! — поучающе произнесъ хозяинъ. — Такую трудную работу нужно всѣмъ дѣлить поровну, она права. Работа на работу не приходится, нужно такъ распредѣлять, чтобъ никому не было обидно. Я вамъ это сколько разъ говорилъ. Вы знаете, что я люблю, чтобъ все дѣлалось справедливо.

Александра Михайловна съ торжествомъ воротилась въ мастерскую. Слѣдомъ за нею вошелъ Василій Матвѣевъ. Онъ медленно обошелъ работавшихъ, потомъ остановился около Александры Михайловны.

— Ты хозяину жаловаться! — проговорилъ онъ. — Посмотримъ, много ли выгадаешь. Хочешь выше мастера быть?... Ладно!

Черезъ два дня шить въ проколку эту-же «Флору» досталось опять Александрѣ Михайловнѣ. Раздачею шитья завѣдывалъ Соколовъ, одинъ изъ

помощниковъ Василія Матвѣева. Александра Михайловна пошла къ нему объясняться.

— Что это тутъ за королева объявилась?! Шей, что даютъ, и не разсуждай! — грубо отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ, милый мой, разсуждать нечего, а я къ хозяину пойду, — спокойно возразила Александра Михайловна и отправилась въ контору.

Хозяинъ, выслушавъ Александру Михайловну, нахмурился.

— Знаете, голубушка, нельзя же все ужъ такъ поровну дѣлить, — холодно сказалъ онъ. — Работа разная бываетъ, приходится иногда и потяжелѣе работу сдѣлать.

Съ этихъ поръ, завидѣвъ входящую въ контору Александру Михайловну, Семидаловъ сталъ уходить. Первое время послѣ ея поступленія въ мастерскую онъ покровительствовалъ ей «въ память мужа», передъ которымъ чувствовалъ себя въ душѣ нѣсколько виноватымъ. И его раздражало, что на этомъ основаніи она предъявляетъ требованія, какихъ ни одна дѣвушка не предъявляла, и что къ ней нужно относиться какъ-то особенно, не такъ, какъ къ другимъ.

Вообще, въ конторѣ совсѣмъ иначе относились къ дѣвушкамъ, чѣмъ къ переплетнымъ подмастерьямъ. Съ подмастерьями считались, ихъ требованія принимались во вниманіе, требованія-же дѣвушекъ вызывали лишь негодующее недоумѣніе, и онѣ находились въ полной власти Василія Матвѣева съ помощниками. Подмастерья получали расчетъ каждую недѣлю, дѣвушки — черезъ двѣ недѣли; подмастерья имѣли законныя расчетныя книжки, дѣ-

вушкамъ заработокъ вписывался въ простыя тетрадки. Иногда, просматривая списки съ платою, хозяинъ находилъ, что такая-то дѣвушка заработала слишкомъ много, — вычеркивалъ девять рублей и вмѣсто нихъ ставилъ восемь.

— Попробовалъ бы онъ съ нами такъ-то, мы бы ему показали! — смѣялись подмастерья, когда дѣвушки разсказывали имъ про это.

И Александра Михайловна не могла понять, потому-ли такъ покорны дѣвушки, что имъ нѣтъ управы на контору, или потому и нѣтъ управы, что онѣ такъ покорны. Она саднящими руками вкалывала иглу въ плотную, какъ кожа, веленевую бумагу и съ глухою ненавистью слѣдила за Василіемъ Матвѣевымъ: жирный, краснорожій, надувшійся дарового кофе съ вишневкою, онъ прохаживался между верстаками, отдуваясь и рыгая; какъ будто баринъ расхаживалъ среди своихъ крѣпостныхъ; и дѣвушки, ругавшія его за глаза, въ глаза были съ нимъ предупредительны и почтительны.

Мастерская становилась Александрѣ Ивановнѣ все противнѣе. Противна была и сама работа, и шедшая отъ залежавшихся листовъ пыль, и тянувшій съ лѣстницы запахъ варившагося внизу клея; противны были люди кругомъ; брошюранты, работавшіе въ перемежку съ дѣвушками, нарочно говорили при нихъ сальности и вызывали ихъ на сальные отвѣты. Но противнѣе всего было, когда дѣвушки ссорились между собою; а ссорились онѣ часто, изъ-за каждаго пустяка; и тогда одна бросала въ лицо другой грязныя, вонючія оскорбленія, и громко уличала ее, что она живетъ на со-

держанiи у ретушера Образцова, а кромѣ того бѣгаетъ ночевать къ Володькѣ-водопроводчику; цинично разсказывались невѣроятныя вещи о подброшенныхъ и задушенныхъ дѣтяхъ, о продажѣ себя за бутылку пива. Мастера и брошюранты, засунувъ руки за пояса блузъ, толпились вокругъ и, довольные, покатывались со смѣху, дѣвочки-подростки съ жаднымъ любопытствомъ слушали, блестя глазами. А поссорившiяся, какъ пьяныя, не чувствовали своего униженiя и продолжали перебрасываться смрадными словами.

Больше же всего Александру Михайловну поражало, что среди дѣвушекъ не было рѣшительно никакихъ товарищескихъ чувствъ. Всѣ знали, что Грунька Полякова, любовница Василiя Матвѣева, передаетъ ему о всемъ, что дѣлается и говорится въ мастерской, — и всетаки всѣ разговаривали съ нею, даже заискивали передъ нею. И Александра Михайловна вспоминала, какъ покойный Андрей Ивановичъ съ товарищами жестоко, до полусмерти, избилъ однажды на праздникѣ иконы подмастерья Гусева, наушничавшаго на товарищей хозяину. Вообще Александра Михайловна часто вспоминала теперь Андрея Ивановича и удивлялась, что не замѣчала раньше, какой онъ былъ умный и хорошiй; въ его мысляхъ, прежде чуждыхъ ей и далекихъ, какъ мысли книги, она теперь чувствовала правду, живую и горячую, какъ кровь; ей становилось понятнымъ его страстное преклоненiе предъ товариществомъ, тоска по слабости этого товарищества въ жизни. Почему, напр., дѣвушки втайнѣ относятся другъ къ другу, какъ къ врагамъ, когда всѣмъ

имъ было бы лучше, если бы онѣ держались дружно? И Александра Михайловна пробовала говорить имъ это, убѣждать, но, какъ только доходило до дѣла, она чувствовала, что и самой ей приходится плюнуть на все, если не хочетъ остаться не при чемъ.

Привезутъ изъ типографіи новые листы. Всѣ дѣвушки насторожатся, глаза ихъ безпокойно бѣгаютъ; нельзя зѣвать, нужно узнать, выгодная-ли работа, если выгодная, — нужно добыть ее себѣ или выклянчить у мастера. Листы обернуты картузною синею бумагою и обвязаны бечевкою; дѣвушки толпятся вокругъ, безпокойно шушукаются, разспрашиваютъ другъ друга. Входитъ мастеръ.

— У кого работа на исходѣ? — спрашиваетъ онъ.

— У меня вся, — отзывается Александра Михайловна.

— Зачѣмъ говорите? Молчите! — испуганно шепчетъ ей Таня. — Я смотрѣла: бумага толстая — претолстая, и на свѣтъ номера не видать!

Разсыльный кладетъ передъ Александрой Михайловной пахнущую типографскою краскою книгу.

— Зачѣмъ говорите не узнавши? — съ сожалѣніемъ поучаетъ ее Таня. — Вы такъ всегда будете съ плохой работой.

— Да какъ же узнаешь то? — раздраженно возражаетъ Александра Михайловна и, глотая слезы, глядитъ на толстую книгу, за которую опять получитъ гроши.

— А вы раньше спросите дѣвушку, которая цензурные экземпляры фальцовала. Или вотъ, какъ

мы сейчасъ сдѣлали: надорвали на уголъ картузную бумагу и подсмотрѣли. Развернуть нельзя, тогда ужъ не позволятъ отказаться, а такъ никто и не замѣтитъ, что надорванъ уголъ; а замѣтятъ, — скажутъ: мужикъ вносилъ, угломъ зацѣпилъ за косякъ. Тутъ, знаете, если смирной быть, только одни объѣдки будутъ доставаться.

Таня нравилась Александрѣ Михайловнѣ все больше; всегда она была предупредительная, всегда готовая на помощь. Онѣ теперь работали за однимъ верстакомъ, и Таня обучала Александру Михайловну пріемамъ работы, показывала, какими способами добывать ее; возьметъ, напр., выгодную работу у Василія Матвѣева, потомъ идетъ наверхъ къ Соколову. Соколовъ отказываетъ, — «тебѣ пусть Матвѣевъ дастъ.» — «У него нѣту, онъ къ тебѣ послалъ.» Наберетъ работы себѣ и Александрѣ Михайловнѣ и сложитъ все подъ верстакъ; когда же грозитъ невыгодная работа, или когда Василій Матвѣевъ тянетъ выдачу, отговариваясь недосугомъ, онѣ достанутъ изъ-подъ верстака запасную работу и дѣлаютъ ее.

— Какъ ты, Танечка, все достать умѣешь! — восхищалась Александра Михайловна.

— Тутъ иначе нельзя, — гордо отвѣчала Таня. — Отъ Косоглазаго справедливости развѣ дождешься? Всякую пакость сдѣлаетъ, особенно намъ съ вами, что мы его презираемъ, не уступаемъ ему. Вы знаете, какъ къ нему въ комнату ни зайдешь, — сейчасъ начинаетъ: пойди съ нимъ на любовь... Съ боровомъ этимъ жирнымъ! Такой дуракъ! Думаетъ, не обернемся безъ него. Какъ-же!

— Тебѣ-то вотъ хорошо, — вздохнула Александра Михайловна. — Работаешь ты легко, на свѣтѣ одна, — много-ли тебѣ нужно? А вотъ какъ мнѣ-то: дѣвочку надо кормить, работать никакъ не приноровлюсь. Ужъ такъ другой разъ тяжело, просто я не знаю.

Таня молча теребила и сгибала уголъ бракованнаго листа.

— «Много-ли нужно»... Я вамъ, Александра Михайловна, всю правду скажу: мнѣ много-много денегъ нужно! — поколебавшись, заговорила она. — Мнѣ сто рублей нужно, вотъ сколько. Потому я такъ и стараюсь. Вы знаете, осенью Петя кончаетъ службу, нужно какого-нибудь дѣла искать. Надумалъ онъ поступить въ артельщики, въ биржевую артель. Дѣло отличное, пятьдесятъ рублей жалованія, доходы есть. А только нужно залогъ въ двѣсти рублей; для начала можно сто, — другіе сто изъ жалованія будутъ вычитать. Вотъ видите, сколько мнѣ нужно. Восемьдесятъ рублей я ужъ скопила, еще двадцать осталось. Богъ дастъ, въ три мѣсяца всѣ сто будутъ готовы, и на свадьбу еще останется. Я бы и еще скорѣе набрала, да нужно тоже Петѣ помогать; вы знаете, какъ плохо въ солдатахъ жить безъ денегъ... Поступитъ въ артель, и сейчасъ-же женимся; мастерскую брошу...

И, забывая о работѣ, она безъ конца говорила о своей любви и ожидаемой жизни.

VI.

Была середина іюля. Пора стояла глухая, заказы въ мастерскую поступали вяло. Хозяинъ распустилъ всѣхъ дѣвушекъ, которыя работали въ мастерской меньше пяти лѣтъ; въ ихъ числѣ были уволены Александра Михайловна и Таня. Онѣ поступили на кондитерскую фабрику Крымова и Ко., на Васильевскомъ Островѣ. Въ обширныхъ, прохладныхъ подвалахъ сотни дѣвушекъ и женщинъ чистили крыжовникъ и вишни, перебирали клубнику, малину, абрикосы; отъ ягодъ въ подвалахъ стоялъ веселый лѣтній запахъ, можно было на мѣстѣ ѣсть ягоды до отвалу и платили по шестьдесятъ копѣекъ въ день. Но это была временная работа, черезъ двѣ недѣли она прекратилась.

Александра Михайловна стала искать швейной работы; она все надѣялась, что наконецъ удастся найти дѣло, съ котораго можно будетъ жить. Въ Старо-Александровскомъ рынкѣ ей дали на пробу сшить полдюжины рубашекъ съ воротомъ въ двѣ петли, по гривеннику за рубашку. Она заняла у Тани швейную машину, шила два дня, потратила двѣ катушки нитокъ. Въ рынкѣ съ нею расплатились по восемь копѣекъ за рубашку.

— Вы же по десять отдавали! — возмутилась Александра Михайловна.

— Нѣтъ, это не подойдетъ, — холодно отвѣтилъ хозяинъ. — Желаете по восемь копѣекъ, — извольте, шейте; а по десять намъ не подходитъ.

— Подходитъ, не подходитъ, а отдавали за десять, и должны по десять заплатить!

— Василій, убери товаръ! — вздохнулъ хозяинъ и взялся за жестяной чайникъ.

Александра Михайловна, прикусивъ губу, въ упоръ смотрѣла на веснушчатое, худощавое лицо хозяина.

— Ну, прощай, разживайся съ моихъ двѣнадцати копѣекъ! — медленно произнесла она.

— Добраго здоровья! — лѣниво отозвался хозяинъ, отхлебывая изъ стакана желтый чай.

Александра Михайловна возвращалась домой по Невскому. Былъ Ильинъ день. Солнце сѣло, на концѣ проспекта, въ золотистой дымкѣ зари, темнѣлъ адмиралтейскій шпицъ. Александра Михайловна вяло шла, — униженная, раздраженная; она подсчитала: за два дня, за вычетомъ цѣны катушекъ, она заработала тридцать шесть копѣекъ... Спускались прозрачныя, душныя сумерки; по панелямъ двигались гуляющіе, коляски и пролетки съ нарядными людьми проносились на острова; изъ раскрытыхъ дверей магазиновъ несло прохладою, запахомъ закусокъ и фруктовъ, за зеркальными стеклами красовались на блюдахъ огромныя рыбы въ гарнирѣ, паштеты, заливныя. Александра Михайловна угрюмыми, волчьими глазами смотрѣла на все, и въ ея душѣ поднималась злоба.

Навстрѣчу Александрѣ Михайловнѣ медленнымъ, раскачивающимся шагомъ шла дѣвушка, поглядывая на встрѣчныхъ мужчинъ; въ рукахъ у нея былъ розовый зонтикъ, розовая кофточка плотно облегала корсетъ. Александра Михайловна, въ отрепанной юбкѣ, съ поношеннымъ платкомъ на головѣ, внимательно оглядѣла ее; глаза ихъ встрѣтились; изъ-подъ наведенныхъ, черныхъ бровей взглядъ дѣвушки съ презрительнымъ вызовомъ отбросилъ отъ себя полный отвращенія взглядъ Александры Михайловны, и она прошла мимо. Александра Михайловна остановилась и долго, съ пристальнымъ, гадливымъ любопытствомъ, смотрѣла ей вслѣдъ.

На углу Владимірской дѣвушку нагналъ высокій господинъ въ цилиндрѣ; онъ близко заглянулъ ей въ лицо и что-то сказалъ ей, они сѣли вмѣстѣ на извозчика и покатили по Литейному. Александра Михайловна медленно пошла дальше. Просто все это дѣлается! — съ негодующею усмѣшкою думала она. — Оглядѣли, какъ корову, взяли и повезли, и она спокойно ѣдетъ, и позволитъ дѣлать съ собою, что угодно. Тварь безстыдная!... Александра Михайловна думала такъ, а сама потихоньку косилась на свое отраженіе въ зеркальныхъ стеклахъ магазиновъ: у нея красивое лицо, съ мягкими и густыми русыми волосами, красивая фигура; если бы затянуться въ корсетъ, надѣть изящную розовую кофточку, то на нее заглядывались бы мужчины. И одновременно два слоя мыслей шли черезъ ея голову, какъ, бываетъ, по небу идутъ, не мѣшаясь, два слоя облаковъ; однѣ мысли, яс-

ныя и мало-подвижныя, говорили, какъ позорно для женщины продавать первому встрѣчному то, что никому нельзя продавать; другія мысли, мутныя и тяжелыя, быстро шли по низу, ихъ трудно было ясно различить; и онѣ говорили, что все это, напротивъ, очень просто; у женщины есть что-то, что тянетъ къ себѣ мужчинъ, за что они щедрѣе и охотнѣе всего даютъ деньги; и нужно этимъ пользоваться, глупо терпѣть, — для чего? Отчего не продавать и этого? И можно тогда бросить мастерскую, гдѣ пахнетъ пылью и вареным клеемъ, гдѣ брошюранты говорятъ сальности, и ходитъ, рыгая, краснорожій Василій Матвѣевъ... Александра Михайловна съ тайнымъ удовольствіемъ прислушивалась къ этимъ мыслямъ, и въ то же время съ гадливымъ презрѣніемъ припоминала, какъ спокойно сидѣла въ пролеткѣ дѣвушка, которую увозившій ее къ себѣ незнакомый человѣкъ обнималъ за талію.

Темнѣло. Въ воздухѣ томило, съ юга медленно поднимались тучи. Легкая пыль пробѣгала по широкой и бѣлой Дворцовой площади, изрѣдка быстро проносилась коляска, упруго прыгая на шинахъ. Александра Михайловна перешла дворцовый мостъ, биржевой. По берегу Малой Невы пошли бульвары; подъ густою листвою пахло травой и лѣсомъ, отъ каналовъ тянуло запахомъ стоячей воды. Въ полутьмѣ слышался сдержанный смѣхъ, стояли смутные шорохи, чуялись любовь и счастье.

На югѣ вспыхнула синяя, безшумная молнія; улицы становились странно-тихими, только бѣлая пыль изрѣдка крутилась на нихъ. Александра Ми-

хайловна присѣла на скамейку. Никогда раньше такъ страстно не хотѣлось ей счастья, — неслыханно-большого, вольнаго и бурливаго; гульнуть, развернуться, чтобъ насквозь прожгло горячимъ огнемъ и душу, и тѣло, чтобъ вихремъ вынесло ее изъ этой унизительной, грязной и скучной жизни. Ей казалось, теперь она начала понимать тѣ приступы мучительной, рвущейся куда-то тоски, которые такъ часто охватывали Андрея Ивановича; раньше она только недоумѣвала передъ ними: было бы въ домѣ тихо и мирно, хватало бы на жизнь денегъ, — чего-жъ еще? Его же именно этотъ тихій миръ и давилъ. И казалось ей, — теперь и ее бы этотъ миръ не удовлетворилъ, хотѣлось чего-то другого, чего, — все равно, но только чтобъ подняться надъ этою жизнью.

Александра Михайловна воротилась домой. Былъ десятый часъ вечера, Зина спала. Въ душной комнатѣ тускло горѣла лампа, жена тряпичника въ рваной рубашкѣ сидѣла на постели и ругалась черезъ перегородку съ хозяйкою. Сегодня праздникъ; скоро возвратится тряпичникъ, мертвецки-пьяный; опять она начнетъ ругать его, и онъ, какъ собачонку, загонитъ ее подъ кровать и будетъ бить тамъ кочергой; а когда онъ наконецъ устанетъ и заснетъ, она выползетъ изъ-подъ кровати и со стономъ будетъ отдирать запекшуюся въ крови рубашку отъ избитаго тѣла... Уйти бы куда-нибудь? Александра Михайловна рѣшила пойти къ Танѣ.

Таня жила на томъ-же дворѣ, въ другомъ флигелѣ. Она выбѣжала на звонокъ, — сіяющая, ра-

достная; и вдругъ глаза ея потухли, лицо потемнѣло.

— Я не во время? — сконфуженно спросила Александра Михайловна.

— Нѣтъ... пожалуйста... — отвѣтила Таня упавшимъ голосомъ.

Въ маленькой чердачной комнатѣ, съ косымъ потолкомъ и окошечкомъ сбоку, было чисто и дѣвически-уютно; по карнизамъ шли красиво-вырѣзанные фестончики изъ бѣлой бумаги, на высокой постели лежали двѣ большія, обшитыя кружевами, несмятыя подушки; подушки эти клались только на день, для красоты, а спала Таня на другой подушкѣ, маленькой и жесткой.

За столомъ сидѣла пріятельница Тани, портниха Прасковья Ѳедоровна. На столѣ ворчалъ потухавшій самоваръ, стояла бутылка водки, кильки и колбаса.

Таня въ черной юбкѣ и сѣрой шелковой кофточкѣ, была неестественно оживлена и говорлива, глаза ея блестѣли.

— Давайте выпьемъ! — предложила она. — Не пришелъ человѣкъ, для котораго приготовлено, — и не надо! Безъ него обойдемся!

Онѣ выпили по рюмкѣ и стали закусывать.

— Ты Петра Иваныча ждала? — спросила Александра Михайловна.

— Кого ждала, того нѣту! — засмѣялась Таня, выскребая изъ склизкой кильки коричневыя внутренности; потомъ вдругъ перестала смѣяться и замолчала. — Второй ужъ разъ что-то не приходитъ, — задумчиво произнесла она. — И прошлое воскре-

сенье задаромъ прождала. Что это, ужъ и не знаю. Скучно что-то, думается, — можетъ, онъ такъ себѣ только, за глупостями гнался; повозился, свое получилъ — и прочь... — Таня помолчала, размазывая вилкою внутренности нетронутой кильки.
— Не должно бы этого быть, ему сто рублей нужны, чтобъ въ артель внести, а въ нынѣшнее время развѣ легко такую невѣсту найти? А только видѣла я недавно, шелъ онъ съ одного двора, говоритъ, — тетка больная, а мнѣ думается, — не отъ Ѳеньки-ли папиросницы онъ шелъ?... Ну, выпьемъ еще! — лихо проговорила она, наливая по второй рюмкѣ.

— Ну, Танечка, что ты! — запротестовала Прасковья Ѳедоровна. — Больно ужъ скоро!

— Ничего, а то съ первой чтой-то закуска въ ротъ не идетъ. Рюмочки маленькія.

— Вы когда же насчетъ свадьбы думаете? — спросила Прасковья Ѳедоровна.

— Думали подъ Филипповки вѣнчаться.

— И наша тогда-же свадьба будетъ, — вздохнула Прасковья Ѳедоровна.

— А вы тоже замужъ выходите? — спросила ее Александра Михайловна.

— Да.

— За кого-же?

— За портного одного. За кого же портнихѣ выходить! — засмѣялась она.

— Такой противный! — замѣтила Таня. — Хромой, носъ на сторону, рожа — вотъ! — Она смѣшно скосила губы и подперла пальцемъ носъ на сторону. Всѣ засмѣялись.

— Хорошій человѣкъ?

— Не знаю, я его мало видѣла, — равнодушно отвѣтила Прасковья Өедоровна.

Александра Михайловна помолчала.

— Чего-жъ вамъ спѣшить? Погодили бы, приглядѣлись. Знаете, другой разъ бываетъ: поспѣшишь, а потомъ пожалѣешь.

— Работать трудно, — устало произнесла Прасковья Өедоровна. — Мастерская у хозяйки темная, все глаза болятъ. Профессоръ Донбергъ вылечилъ, а только сказалъ, что больше не шить, а то ослѣпнешь.

— А можетъ, и у мужа придется шить?

— Та работа легкая, — оживилась Прасковья Өедоровна. — Мужское платье всегда выгодно шить. А дамская работа, вы знаете, какая капризная: чтобъ платье и отдѣлка подъ тонъ были, чтобъ жанръ соблюсти, чтобъ фасонъ подходилъ къ лицу; учительница, — она требуетъ, чтобъ фасонъ былъ серьезный, душенькѣ какой-нибудь, — ей шикъ надобенъ.

— Бываетъ такъ: выйдешь не подумавши, а потомъ другого полюбишь, — задумчиво проговорила Александра Михайловна.

Прасковья Өедоровна хитро улыбнулась, скользнула взглядомъ въ сторону и, покраснѣвъ, искоса взглянула на Александру Михайловну.

— Да я и сейчасъ люблю! — сказала она, и далекій отблескъ глубоко-скрытаго, стыдящагося чувства слабо освѣтилъ ея лицо.

— Чтожъ за него не идете?

— Да онъ меня не любитъ.

— А онъ знаетъ, что вы его любите?

— Можетъ, и не знаетъ... А зачѣмъ къ намъ не ходитъ? Любилъ бы, такъ ходилъ.

Ея худое лицо съ большими черными глазами продолжало свѣтиться, на губахъ легла дѣтская, застѣнчивая улыбка.

— Нѣтъ, мой совѣтъ, подождали бы, — повторила Александра Михайловна.

— Теперь ужъ нельзя: обручальныя кольца куплены... А только не дай Богъ, чтобъ тотъ на обрученіе или на свадьбу ко мнѣ попалъ, — то-то мнѣ будетъ стыдно!

Прасковья Ѳедоровна задумалась; отблескъ съ ея лица исчезъ.

— Знаете, какія мнѣ иногда глупости приходятъ въ голову? — медленно проговорила она.

— Какія?

Прасковья Ѳедоровна помолчала и удивленно раскрыла глаза.

— Зачѣмъ жить!

— Да что вы?

— Ей-Богу! — съ улыбкой подтвердила она.

Таня, засунувъ руки межъ колѣнъ, блестящими отъ хмѣля глазами смотрѣла вдаль.

— Ну, будетъ, что тамъ!... Скучно! — вдругъ сказала она. — Давайте что-нибудь веселое дѣлать. Эхъ, музыки нѣту, я бы потанцовала!

Я на горку шла,
Тяжело несла,
Уморилась, уморилась,
Уморилася!...

Она уперлась рукою въ бокъ и заплясала, веселая и удалая, притоптывая каблуками.

— Ну, ну, пойте! — настойчиво приказывала Таня, стараясь развѣять налегавшую на всѣхъ тучу тоски.

Уморилась, уморилась,
Уморилася!...

Она кружилась, притоптывала ногами и вздергивала плечомъ, совсѣмъ, какъ деревенская дѣвка, и было смѣшно видѣть это у ней, затянутой въ корсетъ, съ пушистою, изящною прическою. Александра Михайловна и Прасковья Ѳедоровна, смѣясь, подпѣвали и хлопали въ тактъ ладошами. У Александры Михайловны кружилась голова, отъ вольныхъ, удалыхъ движеній Тани становилось на душѣ вольно, и выростали крылья, и казалось, — все пустяки, и жить на свѣтѣ вовсе не такъ ужъ скучно.

— Дернемъ еще! — снова предложила Таня, быстро наливая рюмки.

Прасковья Ѳедоровна отказалась.

— Дернемъ! — лихо отвѣтила Александра Михайловна, съ влажными губами, часто и дробно смѣясь. Въ головѣ у нея закружилось сильнѣе, становилось все веселѣе и вольнѣе; она подтопывала Танѣ, хлопала въ тактъ ладошами и подпѣвала: «эхъ!... эхъ!...»

Запыхавшаяся Таня опустилась на кровать рядомъ съ Прасковьей Ѳедоровной.

— Ну, Парашенька, ты намъ теперь спой! — сказала она, обнимая Прасковью Ѳедоровну.

Прасковья Өедоровна, задумчиво смотрѣвшая въ окно, улыбнулась.

— Что-то мнѣ и самой захотѣлось, — отвѣтила она и стала пѣть.

Пѣла она цыганскіе романсы и съ цыганскимъ пошибомъ. Голосъ у нея былъ звучный и сильный, казалось, ему было тѣсно въ комнатѣ, онъ бился о стѣны, словно стараясь раздвинуть ихъ.

Дай упиться
И насладиться
Жизнью земной
Вмѣстѣ съ тобой!...

Александра Михайловна сидѣла у окна. Въ раскрытое окно рвался вѣтеръ и обвѣвалъ ея разгорѣвшееся лицо. За березами палисадника теперь почти непрерывно всыхивали синія, безшумныя молніи. Прасковья Өедоровна пѣла, задорно обрывая одни слова и съ нѣгою растягивая другія.

Предательскій звукъ поцѣлуя
Разы-дался въ ночи-ной тишинѣ...

И пѣсня, которая жгла жаждою страсти и ласокъ, и шедшіе изъ тьмы шорохи, и разогрѣтая хмѣлемъ кровь, — все томило душу, и хотѣлось сладко плакать; но тяжело лежавшая въ душѣ мутная тоска не давала подняться этимъ свѣтлымъ слезамъ.

— Спой «Пару гнѣдыхъ», — вдругъ попросила Таня.

— Ну, Таня, что ты? Мнѣ плакать не хочется! — улыбнулась Прасковья Өедоровна.

— Ну, спой! Параша, спо-ой!... — настойчиво и нетерпѣливо повторила Таня.

— Вотъ какая... упрямая. Ну, хорошо!

Прасковья Өедоровна запѣла. Пѣла она о томъ, какими раньше хорошими лошадьми были эти гнѣдыя. «Ваша хозяйка въ старинные годы много имѣла хозяевъ сама... Юный корнетъ и сѣдой генералъ, — каждый искалъ въ ней любви и забавы»... И вотъ она состарѣлась и грязною нищенкою умираетъ въ углу; и та же пара гнѣдыхъ, теперь тощихъ и голодныхъ, везетъ ее на кладбише.

Тихо туманное утро въ столицѣ,
По улицѣ медленно дроги ползутъ...

Голосъ пѣвицы вдругъ оборвался, она замолчала. Александра Михайловна низко опустила голову; мутная тоска вздымалась съ душевнаго дна, душила свѣтлыя слезы, и другія слезы, горькія, какъ полынь, подступали къ горлу.

— Что это, слезы выступаютъ! Вотъ смѣшно! — засмѣялась Прасковья Өедоровна, быстро утирая глаза, и продолжала:

Въ гробѣ сосновомъ останки блудницы.
Пара гнѣдыхъ еле-еле везутъ...
Кто жъ провожаетъ ее на кладбище?
Нѣтъ у нея... ни друзей, ни... родныхъ...

И опять голосъ ея оборвался. Александра Михайловна всхлипнула, Таня наклонилась надъ столомъ, сжавъ руками виски. И сидѣли онѣ всѣ трое и, уткнувшись въ руки, ревѣли, не стыдясь другъ друга, и каждая думала о себѣ...

Александра Михайловна воротилась домой поздно, пьяная и печальная. Въ комнатѣ было еще душнѣе, пьяный тряпичникъ спалъ, раскинувшись на кровати; его жидкая бороденка уморительно торчала кверху, на лицѣ было смѣшеніе добродушія и тупого звѣрства; жена его, какъ тѣнь, сидѣла на табуреткѣ, растрепанная, почти голая и страшная; лѣвый глазъ не былъ виденъ подъ огромнымъ, раздувшимся синякомъ, а правый горѣлъ, какъ уголь. По крышѣ барабанилъ крупный дождь.

Александра Михайловна подняла спавшую Зину, и цѣловала ее, и плакала.

VII.

Въ этомъ году Семидаловъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе существованія своего переплетно-брошюровочнаго заведенія. Празднованіе было пріурочено къ Успенію, въ которое обычно праздновалась икона мастерской.

Наканунѣ всѣхъ дѣвушекъ заставили съ обѣда мыть, чистить и убирать мастерскія. Онѣ ворчали и возмущались, говорили, что онѣ не полы мыть нанимались, да и поломойки моютъ полы за деньги, а ихъ заставляютъ работать даромъ. Однако, всѣ мыли, злыя и угрюмыя отъ унизительной работы и несправедливости.

На слѣдующій день въ конторѣ былъ отслуженъ молебенъ. Впереди стоялъ вмѣстѣ съ женою Семидаловъ, во фракѣ, съ привѣтливымъ, готовымъ на ласку лицомъ; его окружали конторщики и мастера, а за ними толпились подмастерья и дѣвушки. Послѣ молебна фотографъ, присланный по заказу Семидалова изъ газетной редакціи, снялъ на дворѣ общую группу, съ хозяиномъ и мастерами въ центрѣ.

Странно было видѣть, какъ вѣжливо и предупредительно разговаривалъ теперь Семидаловъ съ

фальцовщицами, — совсѣмъ, какъ съ дамами своего круга; онѣ, принаряженныя, пріятно улыбались и на его шутки тоже отвѣчали шутками; Александра Михайловна, съ завитою гривкою на лбу, такъ же пріятно улыбаясь, разговаривала съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ, и старалась незамѣтно прикрыть рукою заштопанный локоть на своей парадной кофточкѣ.

— Ну, господа, прошу покорно закусить! — объявилъ Семидаловъ.

Одинъ столъ былъ накрытъ въ конторѣ для хозяина, мастеровъ и конторщиковъ, другой внизу для подмастерьевъ, третій въ брошюровочной, для дѣвушекъ. Фальцовщицы поднялись наверхъ и нерѣшительно толклись вокругъ стола. Среди бутылокъ, на большихъ блюдахъ стояли два огромныхъ, нарѣзанныхъ пирога, кругомъ на тарелкахъ красовались разнообразныя закуски.

— Съ чѣмъ пирогъ-то? — !

— Съ вязигой!

— Ишь, на иконы всегда только водку и пиво ставятъ, а сегодня — и наливки, и вино... И сардинки тоже

— Это какъ же, сюда и дѣтей своихъ можно приводить? — спросила Александра Михайловна Таню; у стола, неизвѣстно откуда, появились дѣти всѣхъ возрастовъ и жались къ своимъ матерямъ.

— Да... Не гонятъ, — отвѣтила Таня.

— Эхъ, Зину я не привела, не знала! — вздохнула Александра Михайловна.

Толпа дѣвушекъ всколыхнулась и подтянулась. Вошелъ Семидаловъ въ сопровожденіи конторщика.

Василія Матвѣева и газетнаго репортера. Матвѣевъ поспѣшно налилъ въ маленькую рюмочку рябиновки и подалъ на тарелкѣ хозяину. Семидаловъ взялъ рюмочку, поднялъ ее въ уровень съ плечомъ и обратился къ дѣвушкамъ съ рѣчью. Василій Матвѣевъ тѣмъ временемъ наливалъ въ рюмки дѣвушекъ водку и наливку. Хозяинъ говорилъ что-то чувствительное насчетъ ихъ совмѣстной работы въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, насчетъ того, что интересы его работницъ всегда были ему такъ же дороги, какъ и его собственные, просилъ и впредь со всякою нуждою прямо и откровенно обращаться къ нему. Дѣвушки слушали и безпокойно косились на столъ, высматривая себѣ закуску.

Хозяинъ кончилъ, перечокался съ дѣвушками и вышелъ. Вдругъ какъ будто вѣтромъ колыхнуло толпу дѣвушекъ и бросило ихъ всѣхъ къ столу. Александра Михайловна получила толчокъ въ бокъ и посторонилась; убранство стола скрылось отъ ея глазъ за жадно наклоненными спинами и быстро двигавшимися локтями. Фокина, съ злымъ, у[illegible]тельнымъ лицомъ, протолкивалась изъ толпы, держа въ рукахъ бутылку портвейна и тарелку съ тремя большими кусками пирога. Гавриловна хватала бутылку съ англійской горькой. Манька жадно ѣла сардины изъ большой жестянки.

— Да полегче-же, господа! Что это за безобразіе? — возмущались голоса.

— Ты что всѣ сардинки забрала? Съѣла пару, и передавай дальше, возьми чего другого! — сердито кричала Манькѣ Полякова.

Александра Михайловна, прислонившись къ верстаку, изумленно смотрѣла на происходившее. Въ дверяхъ стоялъ старый конторщикъ и хохоталъ, глядя на свалку у стола; снизу, пережевывая закуску, поднялись подмастерья, заглядывали въ дверь и посмѣивались.

Къ Александрѣ Михайловнѣ подошла Таня съ двумя кусками пирога на тарелкѣ.

— Вы что же не берете ничего? — спросила она.

— Я подожду, когда онѣ возьмутъ, — сдержанно отвѣтила Александра Михайловна.

Таня улыбнулась.

— Тогда вамъ ничего не достанется. Вотъ вамъ кусокъ, давайте вмѣстѣ ѣсть.

Столъ опустѣлъ. Фальцовщицы, спиною другъ къ другу, поѣдали по угламъ добычу и одѣляли ею приведенныхъ дѣтей.

— Это у васъ всегда такъ? — спросила удивленная Александра Михайловна.

Таня, закусивъ губу, съ презрѣніемъ оглядывала дѣлившихъ добычу дѣвушекъ и смѣявшихся въ дверяхъ подмастерьевъ.

— Тутъ, у дѣвушекъ, всегда, — отвѣтила она. — Въ переплетной, у подмастерьевъ, тамъ все честь-честью дѣлается; выпьютъ, закусятъ, потомъ опять выпьютъ. А здѣсь — только моргни, все расхватаютъ. Такія жадины, боятся, какъ бы кому больше не досталось. Другая тутъ поѣстъ, — еще внизъ идетъ, къ подмастерьямъ. Тѣ ее, конечно, гонятъ прочь: «чего тебѣ тутъ? Вамъ тамъ наверху накрыто!..»

Закуски были съѣдены, напитки выпиты. Столы отодвинули въ сторону, явились подмастерья; начались танцы. Пожилыя работницы уходили съ дѣтьми домой.

Александрѣ Михайловнѣ, выпившей только маленькую рюмку наливки, не хотѣлось веселиться. Въ большія окна смотрѣлъ туманный день и блѣднымъ свѣтомъ отражался на полу. Александра Михайловна вглядывалась въ давно-приглядѣвшіяся лица дѣвушекъ, и въ тускло-бѣломъ, трезвомъ свѣтѣ дня ихъ хмѣльныя лица казались отвратительными. Она видѣла, какъ разговаривали и шутили съ дѣвушками подмастерья, какъ охватывали ихъ и прижимали къ туловищу, когда танцовали: никогда бы они такъ не держались съ женами и дочерьми своихъ товарищей... Александра Михайловна вспоминала Андрея Ивановича, вспоминала исчезнувшую изъ Петербурга Елизавету Алексѣевну и ея знакомыхъ, и казалось ей: и она, и всѣ кругомъ живутъ и двигаются въ какой-то глубокой, темной ямѣ; наверху брезжитъ свѣтъ, яркими огоньками загораются мысль, честь и гордость, а онѣ копошатся здѣсь внизу, въ сырой тьмѣ, ко всему равнодушныя, чуждыя свѣту, какъ мокрицы. И передъ Александрой Михайловной встала гордая голова Андрея Ивановича; какъ хорошо было жить тогда, какъ хорошо было чувствовать надъ собою его сильную и увѣренную въ себѣ волю...

Темнѣло. Переплетный подмастерье Генрихсенъ, толстый и усатый, отдуваясь, танцовалъ съ Поляковой русскую, кругомъ смотрѣли и смѣялись. Снизу поднялся мертвецки-пьяный Ляховъ. Блѣд-

ный, съ падающими на лобъ волосами, онъ пошатывался на мѣстѣ и выглядывалъ кого-то въ толпѣ танцующихъ. Александра Михайловна поспѣшно подошла къ Танѣ.

— Что, Танечка, смотрѣть? Будетъ! Пойдемъ лучше, пройдемся.

Онѣ вышли на улицу. Туманъ сталъ еще гуще; какъ будто громадный, толстый слой сырой паутины спустился на городъ и опуталъ улицы, дома, рѣку; огни фонарей свѣтились тускло-желтыми пятнами, дышать было тяжело и сыро.

— Да, недаромъ покойникъ Андрей Ивановичъ презиралъ женщинъ, — задумчиво сказала Александра Михайловна. — Смотрю я вотъ на нашихъ дѣвушекъ и думаю: вѣрно вѣдь онъ говорилъ. Пойдетъ дѣвушка на работу, — безстыдная станетъ, водку пьетъ. Андрей Ивановичъ всегда говорилъ: дѣло женщины — хозяйство, дѣти... И умиралъ, говорилъ мнѣ: «одинъ завѣтъ тебѣ, Шурочка, — не иди къ намъ въ мастерскую!» Онъ зналъ, что говорилъ, онъ былъ очень умный человѣкъ...

Онѣ перешли Тучковъ мостъ и свернули на бульваръ Средняго проспекта.

— Бывало, когда живъ былъ, — хорошо все это такъ было, тихо, весело, — мечтательно разсказывала Александра Михайловна. — Въ будни дома сидишь, шьешь, — на дѣвочку, на мужа. Въ праздникъ пирогъ спечешь, коньяку купишь; онъ увидитъ, — обрадуется. «Вотъ, скажетъ, Шурочка, — молодецъ! Дай, я тебя поцѣлую!» Коньякъ онъ, можно сказать, обожалъ... Вечеромъ вмѣстѣ въ Зоологическій, бывало, поѣдемъ... Хорошо, Танеч-

ка, замужемъ жить. О деньгахъ не думаешь, никого не боишься, одинъ тебѣ хозяинъ — мужъ. Никому въ обиду тебя не дасть... Вотъ бы тебѣ поскорѣе выйти!

— Я скоро выйду, — отвѣтила Таня.

— Да ну? — обрадовалась Александра Михайловна и заглянула въ ея улыбавшееся лицо. — Петра Иваныча видаешь?

— Какъ-же? Съ тѣхъ поръ, какъ, помните, вы у меня были, — три раза приходилъ. Дура я такая, Богъ знаетъ, что тогда подумала. А у него вправду тетка хворала, больше ничего. Недавно даже померла, хоронилъ въ воскресенье... Сядемъ здѣсь!

Онѣ сѣли на скамейку бульвара около шестой линіи. Окна магазиновъ были темны, только въ мелочныхъ лавочкахъ свѣтились огни. По бульвару двигалась праздничная толпа. Заморосилъ мелкій дождь, туманная паутина, казалось, насѣдала на городъ и становилась все гуще. Электрическій фонарь на перекресткѣ, сіяя яркимъ огнемъ, шипѣлъ и жужжалъ, какъ будто громадная голубая муха запуталась въ этой туманной паутинѣ и билась, не въ силахъ вырваться.

— Августъ мѣсяцъ теперь, — сказала Таня. — Въ октябрѣ или ноябрѣ вѣнчаться будемъ, онъ самъ сказалъ. Отбудетъ службу и сейчасъ же въ артельщики, ему ужъ обѣщали. И сто рублей къ тому времени будутъ готовы.

— Ну, дай тебѣ Богъ! — отъ души произнесла Александра Михайловна.

— А правда, Александра Михайловна, красивый онъ? — оживившись, заговорила Таня. — Всякій, кто ни посмотритъ, удивляется. Изъ всей команды его напередъ ставятъ на смотрахъ, всѣ дѣвушки на него заглядываются. А онъ говоритъ: никого мнѣ не надо, только тебя, говоритъ, одну я люблю... И знаете, я вамъ ужъ всю правду скажу: я беременна отъ него. Третій мѣсяцъ... Ребеночекъ будетъ у насъ. Правда, смѣшно?

Она не стыдилась, гордая своею любовью; она радостно улыбалась и разсказывала, разсказывала безъ конца. На ея пушистыхъ, золотыхъ волосахъ осѣли мелкія капельки дождя, отъ круглаго лица вѣяло счастьемъ, и, казалось, сквозь холодный осенній туманъ свѣтится теплая, счастливая весна. Александра Михайловна разспрашивала, давала совѣты, и на душѣ у нея тоже становилось тепло и чисто.

Ярко-синій огонь въ фонарѣ шипѣлъ и жужжалъ, и безсильно бился, плотно охваченный мутнымъ туманомъ.

— Ну, Танечка, домой пора. Пойдемъ! — предложила Александра Михайловна.

Онѣ встали и пошли по панели обратно. Мимо нихъ со смѣхомъ прошла вышедшая изъ портерной компанія изъ двухъ дѣвушекъ и трехъ кавалеровъ; въ темнотѣ блеснули золотыя буквы на черно-оранжевомъ околышѣ матросской фуражки.

Таня дрогнула и остановилась.

— Петька! — крикнула она и, быстро повернувшись, пошла догонять прошедшую компанію.

Александра Михайловна стояла и ждала. Вдали, въ туманѣ, что-то вдругъ колыхнулось, темные силуэты заметались, взмахивая руками. Александра Михайловна поспѣшно пошла туда.

Таня стояла, прислонясь спиною къ фундаменту дома и опустивъ голову, а высокая дѣвушка въ шляпѣ съ краснымъ перомъ била ее по лицу; компанія стояла въ отдаленіи и смотрѣла. Дѣвушка лихо повернулась и, гордо неся голову, пошла къ своимъ.

— Погоди-же ты, Петька! — всхлипнула Таня.

— Что-о?!...

Дѣвушка быстро воротилась къ Танѣ и снова сильно, съ размаху, стала сверху бить ее по лицу.

— Бе-ей! — весело крикнулъ съ улицы прохожій парень.

Собиралась толпа.

— Баба бабу!... Вотъ такъ ло-овко! — смѣялись въ толпѣ.

— Еще просишь? Просишь, что-ль, еще?! — громко крикнула дѣвушка.

Таня стояла, закрывъ лицо руками.

— Дово-ольно! — всхлипнула она, втягивая носомъ лившую изъ него кровь.

Дѣвушка пошла къ компаніи, и они съ громкимъ смѣхомъ исчезли въ туманѣ.

VIII.

Въ началѣ сентября работа въ мастерской кипѣла. Наступилъ книжный и учебный сезонъ, въ громадномъ количествѣ шли партіи учебниковъ. Теперь кончали работать въ десять часовъ вечера, мастерскую запирали на ключъ, и раньше никого не выпускали. Но выпадали дни, что дѣлать было нечего, а дѣвушекъ всетаки держали до десяти: мастера за сверхурочные часы получали по пятнадцать копѣекъ въ часъ, и они въ это время, тайно отъ хозяина, работали свою частную работу, — заказъ писчебумажнаго магазина на школьныя тетради.

Былъ одинъ изъ такихъ вечеровъ. Дѣвушки, — злыя, раздраженныя, — слонялись по мастерской безъ дѣла. Только Грунька Полякова, не спѣша, фальцовала на уголъ объявленія о санатогенѣ, — работа легкая и выгодная, — да шили книги двѣ дѣвушки, на дняхъ угостившія Матвѣева мадерой.

Александра Михайловна забыла оставить дома поужинать Зинѣ; на душѣ у нея кипѣло: дѣвочка ляжетъ спать не ѣвши, а она тутъ, неизвѣстно, для чего, сидитъ, сложа руки. Въ комнатахъ стоялъ громкій говоръ, за верстаками хихикала Манька, которую прижалъ къ углу забредшій снизу подмастерье Новиковъ. Гавриловна переругивалась

съ двумя молодыми брошюрантами; они хохотали на ея циничныя фразы и подзадоривали ее, Гавриловна дѣлала свирѣпое лицо, а въ морщинистыхъ углахъ ея черныхъ губъ дрожала самодовольная улыбка.

Александра Михайловна встала и вошла въ комнату мастера.

— Василій Матвѣевъ, давай работы! — рѣшительно сказала она. — А нѣтъ работы, такъ отпусти: у меня ребенокъ дома ждетъ.

— Да сейчасъ-же, сейчасъ привезутъ листы, сказано вамъ! — нетерпѣливо-увѣщевающимъ голосомъ возразилъ Василій Матвѣевъ. — Мужикъ ужъ часъ назадъ въ типографію поѣхалъ.

— И вовсе никуда мужикъ не поѣхалъ! А въ десять часовъ скажешь: «видно, задержали его, идите домой»... Отпусти... Василій Матвѣевъ!

— Чтой-то ты, Колосова, много разговариваешь! — удивленно протянулъ Матвѣевъ и поднялъ на нее свои тусклые, косые глаза. И было въ нихъ спокойствіе и увѣренное сознаніе силы, и нетерпѣливая скука, какъ отъ привязавшейся ничтожной мухи; и противно, и жутко стало Александрѣ Михайловнѣ, сколько власти надъ ними дано этому пропитанному жиромъ и водкою человѣку. Закусивъ губы, она молча вышла вонъ.

У окна сидѣла Таня и, облокотившись о подоконникъ, задумчиво смотрѣла сквозь стекла на темную улицу. Александра Михайловна подсѣла къ ней. Таня очнулась отъ задумчивости и привычнымъ движеніемъ оправила свои пушистые волосы.

— А Фокина-вѣдьма, — разглядѣла, подлая, что я беременна, — сказала она. — Сейчасъ спраши-

ваетъ меня: «что это ты, Танечка, словно полнѣешь въ таліи?» Ужъ по всей мастерской раструбила.

— Э, наплевать! — отозвалась Александра Михайловна.

— Да понятное дѣло, плевать! — гордо встрепенулась Таня. — Очень нужно!... — Она замолчала и опять стала смотрѣть въ окно. — А ко мнѣ вчера Петя приходилъ, прощенія просилъ.

— Долго собирался! Двѣ недѣли цѣлыхъ! — усмѣхнулась Александра Михайловна.

— Ему стыдно было, не смѣлъ... Говоритъ, очень ему тогда было жалко меня, а только совѣстно было передъ товарищами заступиться... Это Ѳенька-папиросница была.

— Хорошъ, молодецъ! Говоритъ, — любитъ, а совѣстно заступиться!

— Нѣтъ, Александра Михайловна, вы такъ не говорите. Онъ хорошій. Зачѣмъ вы объ немъ такъ плохо понимаете? Конечно, всѣмъ завидно, — всякой лестно такого красавца отбить. А онъ этой Ѳеньки-шлюхи больше и видѣть не можетъ. Только, говоритъ, скопишь сто рублей, — и женимся.

— А знаешь Танечка, что мнѣ думается? Не любитъ онъ тебя. Любилъ бы, не говорилъ бы все про деньги.

Таня тоскливо повела плечами.

— Александра Михайловна, да какъ же вы не понимаете? — дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ возразила она. — Вѣдь ему, правда, деньги нужны, безъ залога въ артель не принимаютъ. Какъ же жить будемъ?... Хорошо еще, пока залогъ берутъ небольшой; а скоро, говорятъ, семьсотъ руб-

лей будутъ требовать, — очень ужъ много желающихъ... Батюшки, вѣдь сегодня суббота! — поспѣшно прервала она себя. — А лампадка не оправлена, не зажжена!...

Таня придвинула табуретку, взобралась на верстакъ и, перекрестившись, стала оправлять лампадку. Проходившій мимо брошюрантъ Егорка подмигнулъ и, протянувъ руку горстью по направленію къ юбкѣ стоявшей на цыпочкахъ Тани, сдѣлалъ неприличный жестъ. Брошюранты засмѣялись. Таня оглянулась и, покраснѣвъ, быстро протянула руку, чтобъ оправить лампадку. Юбка задѣла за лампадку, лампадка перекувыркнулась и дугою полетѣла на верстакъ. Зазвенѣло разбившееся стекло, осколки посыпались на столъ. Таня соскочила съ верстака.

— Ахъ, батюшки! — въ испугѣ воскликнула она.

Зеленое масло, перемѣшанное съ нагаромъ, пролилось на стопку ярко-раскрашенныхъ обложекъ. Отъ обгорѣлаго фитиля расплывались пятна на дѣвочку и собаку въ зелени и на красное заглавіе «Приключенія Амишки»; уголъ высокой стопки медленно впитывалъ въ себя грязное масло.

Василій Матвѣевъ вышелъ изъ своей комнатки.

— Что случилось? — Онъ подошелъ къ верстаку, взглянулъ на залитую стопку и строго нахмурился. — Кто это сдѣлалъ? — спросилъ онъ, не глядя на Таню.

— Я, — отвѣтила Таня.

— Та-акъ... — Василій Матвѣевъ сталъ перебирать стопку. — Придется перепечатывать тебѣ! — вздохнулъ онъ. — Вотъ, пятьсотъ штукъ залила

Таня обомлѣла.

— Сколько же это будетъ стоить? — спросила она срывающимся голосомъ.

— Въ восемь красокъ печатана... Рублей пятьдесятъ заплотишь, — неохотно отвѣтилъ Василій Матвѣевъ. — Пойти, хозяину показать.

Онъ лѣниво прошелъ назадъ въ свою комнату.

— Пойди, поговори съ нимъ! — испуганно произнесла Дарья Петровна. — Можетъ, что можно сдѣлать, хозяинъ не узнаетъ... А скажетъ, — готово дѣло, придется тебѣ на свой счетъ печатать.

— И вправду, иди скорѣй! — поддержала ее Фокина.

— Пятьдесятъ рублей, — что же это, Господи! — въ ужасѣ говорила Дарья Петровна.

Таня, съ испуганнымъ, растеряннымъ лицомъ, пошла къ мастеру. Черезъ двѣ минуты она воротилась; блѣдная, съ большими и словно сразу впавшими глазами, она припала къ верстаку и зарыдала.

— Что онъ сказалъ тебѣ? — спрашивала Александра Михайловна.

— Подлецъ, негодяй грязный! — сквозь рыданья повторяла Таня. — Негодяй, негодяй, негодяй!...

— Да что онъ сказалъ-то тебѣ?

— Могу, говоритъ, сдѣлать, что хозяинъ ничего не узнаетъ... Оо-о!... Мерзавцы подлые!...

Таня быстро подняла голову съ громадными, блестящими глазами на блѣдномъ лицѣ.

— Поѣдемъ, говоритъ... въ баню съ тобой! — громко и раздѣльно произнесла она и, зарыдавъ, снова припала грудью къ верстаку.

— Въ баню, говоритъ, поѣдемъ! — передала Александра Михайловна окружавшимъ. Бѣшеная злоба сдавила ей дыханіе; ей хотѣлось, чтобъ кто-нибудь громко, изступленно крикнулъ: «дѣвушки, да докуда же мы будемъ терпѣть?!» — и чтобъ всѣмъ вбѣжать къ Матвѣеву, повалить его и бить, бить эту жирную тушу ногами, стульями, топтать каблуками... Дарья Петровна съ сожалѣніемъ смотрѣла на Таню, глаза Фокиной мрачно горѣли.

Таня рыдала, не глядя на окружающихъ.

— Э, ступай, чего тамъ! — рѣшительно и цинично произнесла Гавриловна. — Тоже, подумаешь... Авось, не лужа, останется и для мужа!

Вошелъ Василій Матвѣевъ, красный, съ злыми глазами.

— Ты что тутъ на меня врешь? — злобно обратился онъ къ Танѣ.

Таня выпрямилась и, прижимая руки къ груди, въ упоръ смотрѣла на Матвѣева.

— Подлецъ ты, подлецъ, Василій Матвѣевъ! — раздѣльно произнесла она.

— Вамъ что тутъ нужно, чего толчетесь? — обратился Матвѣевъ къ окружающимъ. — Ступай, берись за работу! Что за безпорядокъ!

— За какую работу-то браться? — грубо спросила Фокина.

— Аль все нѣту еще? Ну, значитъ, неготовы листы въ типографіи. Можно шабашить.

Дѣвушки стали расходиться. Таня продолжала рыдать, припавъ къ верстаку.

— Ну, Таня, будетъ! Что ужъ такъ убиваться! — утѣшала Александра Михайловна. — Вѣдь

прибавилъ, небось, мастеръ. Ну, двадцать-пять, тридцать рублей вычтутъ; работаешь ты хорошо, скоро наверстаешь.

— Александра Михайловна, милая! Мнѣ спѣшить нужно! — въ тоскѣ сказала Таня. — Еще годъ пройдетъ, — не женится на мнѣ Петя. Ребенокъ у меня будетъ, а онъ легкій сердцемъ, закрутятъ его. Другую невѣсту найдетъ съ приданымъ, за такого всякая пойдетъ. Теперь не женится, — броситъ...

Она замолчала, широко-раскрытыми, красными и опухшими глазами глядя передъ собою.

— Ух, подлецъ грязный! — съ отвращеніемъ всхлипнула она, и трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

И она продолжала неподвижно смотрѣть передъ собою, и вдругъ подняла на Александру Михайловну свое распухшее, жалкое лицо.

— Скучно мнѣ, Александра Михайловна... Милая!... Такъ скучно!... — ломающимся отъ слезъ голосомъ воскликнула она и схватилась за руку Александры Михайловны — крѣпко, какъ будто стараясь удержаться за нее.

— Таня, слушай! — заговорила Александра Михайловна задыхаясь. — Не бойся, я тебѣ все устрою!... Не бойся!... Иди домой, вотъ увидишь, все выйдетъ по хорошему... Я къ тебѣ нынче же приду, жди меня, слышишь?... Вотъ увидишь, какъ все будетъ хорошо... Не бойся! — радостно повторяла она.

Александра Михайловна вышла въ прихожую и поспѣшно одѣлась. Внизу слышенъ былъ говоръ

спускавшихся по лѣстницѣ дѣвушекъ. Александра Михайловна догнала ихъ.

— Дѣвушки, слушайте! — одушевленно заговорила она. — Давайте, соберемъ межъ себя деньги, поможемъ Танѣ!

Дарья Петровна растерянно взглянула на нее и смѣшалась.

— Правда, дѣвушки! — убѣждала Александра Михайловна. — Ну, что стоитъ! По рублю, по два всякая можетъ дать. Не помремъ съ голоду изъ-за рубля. А ей помощь будетъ... Всѣ надъ Ваською Матвѣевымъ посмѣемся.

Фокина, покручивая головою, молча смотрѣла въ глаза Александрѣ Михайловнѣ и вдругъ громко расхохоталась.

— Ловко придумала!... У меня вотъ пять ребятъ, — нужно ихъ накормить, ай нѣтъ?... Выдумала... Очень нужно!

— Рубль! Для бѣднаго человѣка рубль много значитъ, если онъ нуженъ, — враждебно замѣтила другая дѣвушка.

— Ничего, пускай съѣздитъ въ баньку, попарится съ мастеромъ! За баню не платитъ, все экономія! — сказала Гавриловна и хрипло засмѣялась.

— Честною захотѣла остаться на чужой счетъ! ядовито прибавилъ кто-то.

IX.

Александра Михайловна возвращалась домой съ Дарьей Петровной. Ее поразило: не только никто не откликнулся на ея призывъ, а напротивъ, послѣ перваго взрыва возмущенія, явилась даже какъ будто вражда къ Танѣ; никто даже не обрѣзалъ Гавриловну за ея гнусныя слова. За что все это?.. Возбужденіе Александры Михайловны смѣнилось усталостью, на душѣ было обычное тупое отвращеніе ко всему.

— Знаете, гдѣ-жъ у насъ что собрать! — говорила Дарья Петровна своимъ смиреннымъ голосомъ, угодливо заглядывая Александрѣ Михайловнѣ въ глаза. — Вѣдь сами всѣ вродѣ какъ бы нищія живутъ. А у ней вонъ, у Танечки, говорятъ, не одна ужъ десятка припасена.

Александра Михайловна молчала. Онѣ проходили по Большому Проспекту мимо трактира.

— Зайдемъ, выпьемъ полбутылочки, — предложила Дарья Петровна, какъ будто стараясь чѣмъ-нибудь загладить свой отказъ.

— Нѣтъ, мнѣ домой пора, дѣвочка ждетъ! — рѣшительно отказалась Александра Михайловна. — Она сегодня еще не ужинавши.

— Вы не стѣсняйтесь! У меня сейчасъ деньги есть, другой разъ вы меня угостите. А дѣвочка все равно ужъ заснула.

Александра Михайловна колебалась: домой идти, — придется зайти къ Таинѣ; а что она ей теперь скажетъ?... Александра Михайловна согласилась.

Онѣ вошли въ трактиръ. Александра Михайловна прошла въ заднюю комнату, конфузливо опустивъ лицо. Подали водку, онѣ выпили по рюмкѣ.

Наверху ухалъ и гудѣлъ органъ. Около окна сидѣлъ стройный студентъ-медикъ и читалъ «Стрекозу». Полная, высокая дѣвушка въ пышной шляпѣ пила за сосѣднимъ столикомъ пиво и громко переговаривалась черезъ комнату съ другою дѣвушкою, сидѣвшею у печки.

Дарья Петровна налила рюмки. Онѣ снова выпили.

— Эхъ, жалко мнѣ Таню! — вздохнула Александра Михайловна.

Дарья Петровна подняла на нее глаза и улыбнулась медленною, загадочною улыбкою.

— Ничего-то вы, милая Александра Михайловна, не знаете, ничего не понимаете! — проговорила она. — Знаете, я вамъ по секрету скажу: рано-поздно, все равно не миновать Танечкѣ Косоглазаго... Поглядите сами, развѣ съ нашей работы можно честно прожить? Не она первая, не она послѣдняя.

Александра Михайловна широко раскрыла глаза.

— Я вамъ всю правду скажу, — продолжала Дарья Петровна. — Всѣ такъ дѣлаютъ. Вѣдь Василій Матвѣевъ у насъ все равно, что хозяинъ, сами знаете. Хочетъ, — дастъ жить, не хочетъ, — изморитъ рабо-

тою, а получишь грошъ. И вездѣ такъ, вездѣ мастеру надъ дѣвушками власть дана. А ѣсть-то всякой хочется. Вѣдь человѣкъ для того и живетъ, чтобъ ему полегче было. Поступитъ дѣвушка, — ну, сначала, конечно, бодается, пока силъ хватаетъ, а потомъ и уступитъ. Чтожъ дѣлать, если свѣтъ нынче сталъ такой нехорошій?

Дарья Петровна снова наполнила рюмки и выпила свою. Александра Михайловна, не шевелясь, продолжала смотрѣть на нее.

— Хорошо вотъ, вы такая гордая, настойчивая, — льстиво говорила Дарья Петровна. — А много-ли у насъ такихъ? Грунька Полякова, сами знаете, и сейчасъ живетъ съ нимъ, Маньку два раза къ себѣ увозилъ. Съ Гавриловной когда-то годъ цѣлый жилъ. А Фокина вотъ, — на что ужъ непоклонная, а сколько разъ къ нему хаживала, какъ помоложе была... Я вамъ правду скажу: которая дѣвушка замужняя, или помогу имѣетъ со стороны, — ну, та можетъ куражиться; а нѣтъ помоги, чтожъ подѣлаешь? Вонъ у Фокиной пятеро ребятъ, всѣхъ одѣнь-обуй; какъ тутъ покуражишься?

— И вы, вы тоже уступали ему?!

— Я... я-то?... Я-то нѣтъ... Зачѣмъ я ему буду уступать?

— Господи, и какъ не стыдно! — проговорила Александра Михайловна, глядя ей въ глаза и качая головою.

Дарья Петровна хмѣлѣла; въ ея смиренныхъ глазахъ мелькнули ненависть и вызовъ.

— Что-жъ — «стыдно»? Со стыдомъ, милая, сыта не будешь!... Еще поглядимъ, какъ другія-то всякія себя соблюдутъ...

Новое что-то, широкое и страшное, раскрывалось передъ Александрой Михайловной. Такъ вотъ оно что! Вотъ отчего всѣ были такъ странно-равнодушны, когда она сообщала о приставаніяхъ къ ней мастера, вотъ почему была словно тайная радость, когда Таня попала въ бѣду...

Обѣ замолчали. Александра Михайловна залпомъ выпила свою рюмку. Въ головѣ шумѣло, передъ глазами было смиренное, желто-блѣдное, ничего не выражавшее лицо Дарьи Петровны, и жутко было это отсутствіе выраженія на ея лицѣ послѣ того, что она сейчасъ говорила.

Наверху попрежнему ухалъ и звенѣлъ органъ. Полная дѣвушка въ пышной шляпѣ, сидѣвшая у сосѣдняго столика, переговаривалась съ нарумяненною дѣвушкою, сидѣвшею у печки.

— Ты вчера именинница была? — спрашивала нарумяненная дѣвушка.

— Нѣтъ, меня вправду Матреной звать, а не Лизаветой, — отвѣчала полная дѣвушка. — А это я студента одного надула, чтобъ подарокъ мнѣ сдѣлалъ. Я двѣнадцать разъ въ году именинницей бываю, — и на Вѣру-Надежду-Любовь, и на Катерину, и на Зинаиду, и на Наталью... Вотъ, подвязки подарилъ; говоритъ, три рубля отдалъ. Вретъ, конечно, не больше полутора заплатилъ. — Дѣвушка, не стѣсняясь, подняла юбку выше колѣна и показала новыя, ярко-красныя подвязки.

Она говорила громкимъ, немного сиплымъ голосомъ, съ веселою улыбкою, и видно было, что говоритъ она не для подруги, а для студента.

Студентъ опустилъ «Стрекозу» на столъ и смотрѣлъ на дѣвушку.

— Правда, яркія? — обратилась она къ нему.

— Это Матрешка Грунева, тоже въ нашей мастерской была, — прошептала Дарья Петровна. — Какъ бы не узнала. Такая безстыдная, нахальная; заговоритъ при всѣхъ, оконфузитъ насъ передъ людями.

— Вотъ студенты-медики! Такой это народъ, — ничего не боятся! — сказала полная дѣвушка, обращаясь къ подругѣ. — Въ воскресенье ночевала я у одного на Введенской улицѣ; проснулась ночью, хвать, прямо рукой за с т е л е т ъ зацѣпила! Кости сухія висятъ, щелкаютъ, — такія страсти! И спятъ себѣ, не боятся ничего. То-то живодеры!... И шутки тоже любятъ шутить. Намедни идемъ мы три дѣвки, — всѣ пьяныя вдрызгъ, «мама» сказать не можемъ. Взяли насъ студенты, повезли куда-то. Пьяна я была, — ничего не помню, не знаю, что они съ нами дѣлали. Только проснулась, вижу, — холодный кто-то рядомъ. Зажгла спичку, — мертвецъ!... Въ анатомическій завезли насъ, подлецы! Кожа содрана, руки скрючены. У меня весь хмѣль соскочилъ. Намъ бы три ступеньки вверхъ подняться, они всѣ тамъ были, а мы — внизъ, да поскорѣе домой. Не знаю, какъ добралась, рукавъ весь въ крови испачканъ, карбовкой пахнетъ!

Она оглядѣла всѣхъ, медленно улыбаясь. Дарья Петровна поспѣшно наклонилась лицомъ надъ ска-

тертью; Александра Михайловна слушала съ пристальнымъ, дѣтскимъ любопытствомъ, стыдясь и удивляясь, какъ она все это можетъ разсказывать. Дѣвушка подмѣтила выраженіе ея взгляда, увидѣла бѣдную, отрепанную одежду сосѣдокъ и продолжала, рисуясь своимъ цинизмомъ.

— А всетаки люблю студентовъ, — хорошій народъ, правильный! Не то, что купцы, — тѣ все жулики. Намедни гуляю по пришпекту, важный купецъ подошелъ, — въ котелкѣ, пальто шевіотовое. Пріѣхалъ со мною ко мнѣ, полбутылки коньяку спросилъ въ два рубля, лимонаду. Ну, думаю, не иначе, какъ онъ мнѣ двадцать пять рублей за ночь заплатитъ. Легли спать; вижу, хорошій человѣкъ, подвалилась ему подъ бочокъ и заснула. Онъ потихоньку всталъ, одѣлся и удралъ. Слышу, дверь хлопнула, вскочила, — какъ бѣжать за нимъ? Я въ одной рубашкѣ! Такъ и удралъ, ничего не заплативши. И за коньякъ самой пришлось отдать деньги... Ну, да я ему еще отплачу! Кислоты на двадцать копѣекъ куплю, пойду гулять, встрѣчусь, — я его сразу узнаю, — да сзади потихоньку все пальто ему и оболью. Въ пятьдесятъ рублей ему моя ночка встанетъ!

Студентъ, положивъ газету на колѣни, слушалъ, слегка улыбаясь; онъ былъ красивый и стройный, съ мягкою русою бородкою.

— До чего я толстѣю! — вздохнула дѣвушка, оправляя пунцовый бантикъ на полной бѣлой шеѣ. Запонка не сходится, пришлось на самый край перешить пуговку... Вотъ Лелька, та сухая, какъ кош-

ка; идетъ гулять, за корсетъ полотенце запихиваетъ. А мнѣ этого не надо, у меня все свое, натуральное...

Дѣвушка медленно взглянула на студента.

— Вотъ въ кого бы я влюбилась! Какой хорошенькій — прелесть! — сказала она. — Мужчина, пойдемъ со мной! — вполголоса прибавила она.

Студентъ сердито нахмурился и молча взялся за журналъ.

Она пересѣла къ его столу и переставила туда-же свою бутылку съ пивомъ. Бутылка студента была уже пуста.

— Я сегодня только что вышла, тебя перваго встрѣтила, — говорила дѣвушка, наливая изъ своей бутылки пиво въ стаканъ студента.

— Не надо, зачѣмъ вы мнѣ наливаете? — возмутился студентъ.

— Это моя бутылка, я плачу, — успокоила его дѣвушка.

Студентъ выпилъ и, чтобъ отплатить, спросилъ еще бутылку.

— Нѣтъ, больше не стану пить, — отказалась дѣвушка. — Я ужъ съ семи часовъ по кабакамъ. Еще много придется, будетъ!... Ну, цыпочка, вставай, пойдемъ вмѣстѣ!

— Не пойду я! — сердито отвѣтилъ студентъ, сконфуженно косясь по сторонамъ.

Дѣвушка расплатилась и медленною, качающеюся походкою вышла, сверкнувъ въ дверяхъ яркою шляпкою. Студентъ посидѣлъ, глядя ей вслѣдъ, потомъ всталъ и тоже вышелъ.

Дарья Петровна и Александра Михайловна молчали.

— Шкура подлая! — съ ненавистью и отвращеніемъ произнесла Дарья Петровна.

Александра Михайловна сидѣла, пораженная всѣмъ, что видѣла; никогда она раньше не думала, чтобъ все это дѣлалось такъ безстыдно и открыто; и именно въ этомъ дерзкомъ, вызывающемъ безстыдствѣ было для нея что то странно-привлекательное. Она смотрѣла на желто-блѣдное, изсохшее въ работѣ лицо Дарьи Петровны и мысленно сравнивала его съ полнымъ, веселымъ лицомъ ушедшей дѣвушки. Дарья Петровна презираетъ ее, — а за что? Всѣ онѣ точно такъ-же изъ разсчета отдаются мужчинамъ, а хотятъ казаться честными, и за то сохнутъ и надрываются въ скучной, душной мастерской; а та — смѣлая, ничего не боится и не стыдится, ушла изъ мастерской, и вотъ живетъ въ безшабашно-веселомъ, угарномъ, яркомъ мірѣ, — шикарною, полною, изящно-одѣтою...

Александра Михайловна возвращалась домой. Въ головѣ у нея шумѣло, и въ этомъ шумѣ всплывали къ сознанію уже знакомыя ей, уродливыя, саму ее пугавшія мысли. Можетъ быть, потому, что молодой человѣкъ, съ которымъ ушла дѣвушка, былъ красивъ, и въ Александрѣ Михайловнѣ проснулась женщина, но на душѣ у нея было грустно и одиноко. И она думала: проходитъ ея молодость, гибнетъ напрасно красота. Кому польза, что она идетъ честнымъ путемъ? И вдругъ смутныя, робко касавшіяся сознанія мысли плавнымъ порывомъ во-

рвались въ сознаніе и слились въ немъ въ яркую, смѣлую и радостную отъ своей смѣлости мысль: да, на все наплевать, глупо быть честною! Для чего это надо дорожить собою, видѣть въ себѣ что-то важное, особенное, чему словно и цѣны нѣтъ? Вѣдь все это такъ просто, такъ удивительно-просто и ясно! Не видѣть постылой мастерской, жить вольно и красиво, пить вкусный, дорогой коньякъ, давать обнимать себя красивымъ, молодымъ студентамъ... И день весь будетъ свободный, Зина не будетъ бѣгать безъ призора и ложиться спать голодною... Что въ этомъ плохого?

Было поздно. По пустынному проспекту изрѣдка проходили накрашенныя, разодѣтыя женщины; ихъ темныя фигуры медленно появлялись изъ мрака, и при отблескѣ газовыхъ фонарей грубыя румяна казались веселымъ румянцемъ, и сами онѣ казались таинственно красивыми и смѣлыми въ своемъ презрѣніи къ людскому мнѣнію. Александра Михайловна съ тайнымъ замираніемъ въ душѣ долго ходила по проспекту и широкими, дѣтско-любопытствующими глазами провожала каждую женщину: да, онѣ поняли, что все это просто и естественно, и не побоялись пойти на это; и теперь онѣ казались Александрѣ Михайловнѣ близкими и родными.

X.

Въ виду спѣшной работы въ мастерской работали и въ воскресенье до часу дня. У Александры Михайловны съ похмѣлья болѣла голова, ее тошнило, и все кругомъ казалось еще сѣрѣе, еще отвратительнѣе, чѣмъ всегда. Таня не пришла. У Александры Михайловны щемило на душѣ, что и сегодня утромъ, до работы, она не провѣдала Таню: проспала, трещала голова, и нужно было спѣшить въ мастерскую, пока не заперли дверей. Александра Михайловна рѣшила зайти къ Танѣ послѣ обѣда.

Кругомъ стояло обычное шуршаніе своравачиваемыхъ листовъ, спины дѣвушекъ однообразно сгибались и разгибались. Василій Матвѣевъ возился около обрѣзной машины, обрѣзывалъ какія-то яркія обложки и, обрѣзавъ, тщательно осматривалъ каждую. Александра Михайловна, вся полная воспоминаніемъ о вчерашнихъ признаніяхъ Дарьи Петровны, съ необычнымъ чувствомъ, какъ прозрѣвшая, осматривалась вокругъ. Межъ двигавшихся головъ дѣвушекъ мелькали жирныя плечи и короткая шея Василія Матвѣева. И у него, и у нихъ

всѣхъ были такія буднично-спокойныя, ничего не выражавшія лица... Какъ будто вовсе и не лежало между ними той ужасной, грязной тайны, о которой вчера узнала Александра Михайловна; или какъ будто эта тайна была чѣмъ-то совсѣмъ обычнымъ, что не можетъ ни давить, ни мучить.

Выходя въ часъ изъ мастерской, Александра Михайловна слышала, какъ хозяинъ кричалъ въ конторѣ на Василія Матвѣева, а тотъ суетился, разводилъ руками и что-то объяснялъ Семидалову.

Подъ вечеръ Александра Михайловна сидѣла у себя и шила, придвинувъ столикъ къ окну. Вошла Дарья Петровна, въ платочкѣ и кофточкѣ.

— А-а... здравствуйте! — привѣтливо протянула Александра Михайловна и быстро поднялась, съ тѣмъ неестественнымъ, суетливымъ радушіемъ, съ какимъ люди принимаютъ человѣка, съ которымъ часто встрѣчаются, но который у нихъ не бываетъ. — Садитесь, пожалуйста!... Чайку позволите?

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудитесь! — поспѣшно отказалась Дарья Петровна, не присаживаясь. — Я къ вамъ только на одну минуточку, спросить хотѣла: гдѣ вы бумазею покупали, къ той вонъ кофточкѣ, въ которой на праздникѣ были?

Александра Михайловна сказала.

— Благодарю васъ. Очень ужъ мнѣ рисунокъ приглянулся... Ну, прощайте! Я спѣшу. — Дарья Петровна помолчала. — А Танечка-то наша, слыхали? — вздохнула она.

— Что? — встрепенулась Александра Михайловна.

— Вѣдь пошла, къ Васькѣ-то Матвѣеву.

— Не мо-ожетъ быть!

У Александры Михайловны опустились руки, и она медленно сѣла на стулъ.

— Вѣрно. Дѣвушки видѣли... И какъ ловко онъ съ обложками обернулся! Какія по краямъ были залиты, обрѣзалъ покороче, и стали, какъ новыя; а которыя больше были залиты, пустилъ въ обрѣзки, а хозяину сказалъ, что изъ типографіи двухъ сотенъ не дослали. Хозяинъ раскричался: какъ же вы не сосчитали? — «Я, говоритъ, — считалъ, да вы меня позвали; а воротился, — мужикъ типографскій ужъ уѣхалъ»... Жалко Танечку нашу, правда?

Она вздохнула, а ея желтое, смиренное лицо свѣтилось тайною радостью.

— Господи, Господи, что же это такое! — проговорила Александра Михайловна. — То-то я сегодня утромъ шла, смотрю, — какъ будто на той сторонѣ Таня идетъ, кутаетъ лицо платкомъ, отвертывается... Нѣтъ, думаю, не она. А выходитъ, къ нему шла... И какой со мною грѣхъ случился! — стала она оправдываться передъ собою. — Хотѣла къ ней утромъ зайти, — не поспѣла, дѣвочка задержала; а послѣ работы зашла, — ужъ не было ея дома...

Дарья Петровна ушла. Александра Михайловна сѣла къ окну и задумчиво уставилась на темнѣвшій дворъ.

«Жалко Танечку!» — думала она. Но жалость была больше въ мысляхъ; въ душѣ съ этою жалостью мѣшалось брезгливое презрѣніе къ Танѣ. Нѣтъ, она, Александра Михайловна, — она не пошла бы не только изъ-за пятидесяти рублей, а и съ голоду бы помирала... Гадость какая! Она — честная, непродажная. И отъ этой мысли у нея было пріятное ощущеніе чистоты, какъ будто она только что воротилась изъ бани. Не легкое это дѣло, — остаться честной, а она вотъ сохранила себя, и всегда сохранитъ...

Пришелъ Лестманъ. Онъ пилъ чай и застѣнчиво крутилъ свою рѣдкую бородку, а Александра Михайловна, вздыхая, разсказывала ему о происшествіи съ Таней; она ругала Василія Матвѣева, жалѣла Таню, и около ея губъ чуть замѣтно играла скромно-гордая улыбка.

XI.

— Я . . . я знаю . . . Господи, что-же это? . . . Пустите! . . . Я знаю, — задыхаясь, твердила Александра Михайловна, съ смертельно-блѣднымъ лицомъ проталкиваясь сквозь толпу. — Городовой, это дѣвушка одна . . . Я знаю . . . О, Господи! . . .

Она уже минуты три стояла въ толпѣ, тѣснившейся на набережной. За краемъ гранитнаго спуска медленно плескались длинныя, зеленоватыя волны, утреннее солнце глубоко освѣщало ихъ и дѣлало прозрачными, и на этомъ зеленоватомъ, плещущемъ фонѣ неподвижно рисовалось лежавшее на плитахъ тѣло дѣвушки; мокро-тяжелая черная юбка плотно облегала ея вытянутыя ноги, острые концы ботинокъ торчали въ стороны. Александра Михайловна подалась впередъ, чтобъ разглядѣть лицо, и съ смутно-жалостливымъ, жаднымъ любопытствомъ смотрѣла на это круглое, синеватое лицо съ сбѣгавшею изъ угла рта струйкою пѣнисто-темной жидкости. И вдругъ сѣрая шелковая кофточка на выступѣ груди показалась ей странно-знакомою, по-

томъ, вызывая недоумѣніе, стали знакомыми округлость щеки, намокшіе, рыжеватые волосы, — и загадочно-неизвѣстное, чуждое лицо утопленницы вдругъ превратилось въ знакомое лицо Тани.

— Городовой, я знаю... Господи, Господи! — повторяла Александра Михайловна. — Это дѣвушка одна, Капитанова фамилія... Татьяна... О, Боже, что же это?...

Городовой, вынувъ книжечку, записывалъ имя утопленницы и адресъ Александры Михайловны, толпа приставала къ Александрѣ Михайловнѣ съ разспросами, а она, всхлипывая, повторяла: Господи, Господи!» и, не отрываясь, смотрѣла на лежавшую Таню, все въ ней было близко-знакомо и все — страшно, необычно и скрытно-чуждо, вся она была словно пропитана тайно принятымъ вчера позоромъ и одиночнымъ ужасомъ пошедшей на самоуничтоженіе жизни. И она лежала на мостовой, неподвижная, жалкая и загаженная; мокрая юбка плотно облегала ея вытянутыя ноги, и въ этомъ было что-то особенно жалкое и беззащитное; хотѣлось наклониться, оправить юбку, скрыть выставленныя подъ чужіе взгляды ноги. А за гранитнымъ спускомъ все плескались прозрачно-зеленоватыя, длинныя волны, и отъ нихъ вѣяло сырымъ запахомъ водорослей.

Трупъ увезли, Александру Михайловну пригласили въ участокъ и тамъ еще разъ записали все. Она вышла на улицу; давно было пора идти въ мастерскую, но Александра Михайловна забыла о ней; она шла, и въ ея глазахъ плескались зеленоватыя,

пахнувшія водорослями волны, и темно-пѣнистая струйка тянулась по круглой щекѣ.

Было яркое, сентябрьское утро. Солнце золотымъ свѣтомъ заливало дома, магазины и конки, на тѣневой сторонѣ улицъ, вдоль высокихъ домовъ, стояла туманно-синяя дымка. Дворники въ фіолетовыхъ фуфайкахъ мели улицы, по панелямъ шли люди съ равнодушными, не знающими случившагося лицами; они не только не знали о случившемся, они какъ будто не знали и того, какъ страшна жизнь, и какъ безпомощны противъ нея люди. И опять передъ Александрой Михайловной плескались прозрачно-зеленоватыя волны, и Таня лежала съ плоскими, слипшимися на синеватомъ лбу волосами; Александра Михайловна вспомнила, какъ мѣсяцъ назадъ на этихъ волосахъ, тогда живыхъ и пушистыхъ, дрожали капельки осенняго дождя, и они золотистымъ сіяніемъ окружали круглое, весенне-счастливое лицо Тани. Она была горда своею любовью и вызывающею непреклонностью, пришла жизнь, подстерегла, — и сломила непреклонность и гнусно загадила любовь; загадила и измяла все. И такъ со всѣми ими, — съ дѣвушками, съ женщинами: за то, чтобъ жить, мало отдавать трудъ, здоровье; у нихъ есть еще то, до чего жизнь жестоко-жадна, и она не отступитъ, пока не возьметъ и этого, пока въ ея пахнущую кровью мясную лавочку смирившаяся женщина не принесетъ и своего мяса; а не смирится женщина, будетъ стараться оставить своей душѣ ея дорогое и свое, то не будетъ ей пощады, и кругомъ встанетъ пусты-

ня, гдѣ медленно умираютъ съ голоду, и крикъ отчаянія замираетъ безъ отвѣта.

И Александра Михайловна вдругъ почувствовала, что вѣдь и сама она давно уже находится въ такой пустынѣ, что она безпомощно бродитъ по ней, а жизнь немигающимъ, злымъ, какъ у индюшки, глазомъ слѣдитъ за нею и ждетъ. Всталъ передъ нею Ляховъ съ тупобезпощаднымъ, жаднымъ до нея лицомъ, всталъ Лестманъ съ проползающимъ въ бѣлесыхъ глазахъ осторожнымъ ожиданіемъ, Василій Матвѣевъ съ косящими глазами, у которыхъ нельзя поймать взгляда... Все это сливалось въ одинъ безпощадно-похотливый глазъ, и мимо проносились дѣвушки-работницы въ отрепанныхъ юбкахъ, выплывавшія изъ мглы проспекта женщины съ накрашенными щеками, плачущая надъ пѣсней о гнѣдыхъ Прасковья Өедоровна, и Таня съ синеватымъ лицомъ, съ ногами, плотно охваченными мокрою юбкою... И казалось Александрѣ Михайловнѣ: вотъ-вотъ подхватитъ и ее, и унесетъ, и замѣшаетъ въ этотъ потокъ опозоренныхъ, продавшихся за право жизни женскихъ тѣлъ.

Она вышла къ набережной. Широкая, синяя рѣка лѣниво и равнодушно плескалась подъ солнцемъ, забывъ, что сдѣлала сегодня ночью; и такъ же равнодушно смотрѣли ряды каменныхъ громадъ, сверкавшіе за рѣкою въ голубомъ туманѣ. Александра Михайловна сѣла на скамейку. Ею овладѣла смертельная усталость; сгорбившись, съ опустившимися плечами, она тупо смотрѣла вдаль. На что

ей надѣяться? Мрачно и пусто было впереди, и безъисходный ужасъ былъ въ этой пустотѣ.

— А зачѣмъ было такъ плохо поминать и Лестмана? — вдругъ мелькнуло у нея въ головѣ.

И осторожно, стараясь не натолкнуться въ мысляхъ на возраженія, Александра Михайловна продолжала думать: онъ не то, что другіе; за нехорошимъ онъ не гонится, все хочетъ сдѣлать по честному . . .

XII.

Въ десятыхъ числахъ ноября на Васильевскомъ Островѣ, въ одной изъ квартирокъ огромнаго, грязнаго дома за Малымъ проспектомъ, шелъ свадебный пиръ. Гармоника играла кадриль, столъ былъ заставленъ пивными бутылками и бутербротами, въ воздухѣ стоялъ русскій, нѣмецкій и эстонскій говоръ. Александра Михайловна, съ завитою гривкою на лбу и въ корсетѣ, танцовала съ своимъ шаферомъ, переплетнымъ подмастерьемъ Генрихсеномъ. За два мѣсяца, какъ она не работала въ мастерской, она сильно располнѣла, особенно въ нижней части лица, синіе глаза смотрѣли спокойно и довольно.

— Онъ смирный, трезвый, — говорила Александра Михайловна Генрихсену. — О дѣвочкѣ моей обѣщаетъ заботиться. А въ мастерской оставаться было невозможно: мастеръ притѣсняетъ, дѣвушки, сами знаете, какія. Житья нѣтъ женщинѣ, которая честная. Мнѣ еще покойникъ Андрей Ивановичъ говорилъ, предупреждалъ, чтобъ не идти туда. И правда, сама увидѣла я: тамъ работать — значитъ потерять себя.

— Ну, да ка-анешна! Ну, да! — соглашался толстякъ Генрихсенъ и, ухвативъ Александру Михайловну за талію, устремлялся навстрѣчу визави.

Въ головѣ у Александры Михайловны кружилось отъ выпитаго пива. Она смотрѣла, какъ толстый Генрихсенъ, отдуваясь, вытанцовывалъ соло, и вспоминала, какъ онъ, такъ же отдуваясь, танцовалъ на праздникѣ иконы русскую; вспоминалась ей вся грязь и позоръ мастерской, вспоминались бурливо, какъ въ самоварѣ, кипѣвшія въ мозгу думы о жизни и порывы къ борьбѣ съ нею, — и тихое спокойствіе охватывало ея душу, и радость, что не нужно больше думъ и борьбы. Передъ нею вставали лица дѣвушекъ-подругъ, на сердцѣ шевелилось брезгливое презрѣніе къ нимъ, и Александра Михайловна съ гордостью думала: кто захочетъ, у кого есть въ душѣ совѣсть, та всегда останется честною.

Кадриль кончилась. Къ Александрѣ Михайловнѣ подсѣлъ Лестманъ, въ бѣломъ галстухѣ и шершавомъ черномъ сюртукѣ; его громадныя руки торчали изъ короткихъ рукавовъ, онъ обнималъ Александру Михайловну за плечи и заглядывалъ ей въ лицо.

— Сурочка, какъ я тебя люблю! — въ пьяномъ восторгѣ твердилъ онъ, и жмурился, и въ сотый разъ лѣзъ цѣловаться.

В. Вересаевъ.

Vereinigte Druckereien & Kunstanstalten, vorm. Schön & Maisen, Ig. Velisch, München G. m. b. H